

The background of the cover is a detailed illustration. A black leopard with yellow eyes is perched on a rocky outcrop, looking towards the left. In the foreground, there are large, vibrant green ferns. In the background, a small town with red-roofed buildings is nestled in a valley, with misty mountains rising behind it under a warm, golden sky. The author's name is at the top, and the title is at the bottom.

Алексей Загуляев

Миссия

18+

Миссия

Алексей Загуляев

Миссия

«Автор»

2021

Загуляев А. Н.

Миссия / А. Н. Загуляев — «Автор», 2021 — (Миссия)

Блуждающие порталы в пространстве, которое было создано учёными в лаборатории и существовало в цикле 13 часов; остатки лунной цивилизации, миллион лет назад застрявшие на своих земных базах... Однажды связь этого пространства с реальным миром нарушается, и героям приходится искать выход из сложившихся обстоятельств. Что движет ими? Желание вернуться домой или что-то большее, чего они сами пока не понимают? Все герои и все линии повествования так или иначе связаны между собой и влияют на судьбы друг друга. Здесь переплетаются мистика и наука, будущее и прошлое, любовь и извечное противостояние добра и зла.

© Загуляев А. Н., 2021

© Автор, 2021

Алексей Загуляев

Миссия

Посвящается Библе

Часть первая. Книга вопросов

Эпиграф: «О подавляющем большинстве таких душ нам не расскажет никакая история: они прошли в глубине народа, не оставив следа ни в летописях, ни в преданиях – лишь в памяти тех, кто их знал или слышал о них от живых свидетелей. Это незаметные герои нашей жизни; думать иначе, то есть вообразить синклит метакультуры в виде некоего собрания «знаменитостей», значило бы доказать, что наш нравственно-мистический разум спит ещё крепким сном».

Даниил Андреев «Роза мира»

1

– Девочки, я очень вас попрошу, не растягивайтесь, пожалуйста. И не вздумайте сходить с тропы, это очень опасно, – зычный голос женщины-гида звучал словно из рупора прямо над головой Ники. Она говорила это уже в десятый раз. Все кривились и вздыхали от раздражения. Никто не видел в её словах смысла, как это случается со всеми подростками, которым пытаются внушить очевидные и без того вещи.

– Мисс, а что за опасности, о которых вы говорите? – это спросила Рут. Она шла третьей после Ники и Оливии в этой группе из десяти человек. На фоне других шестнадцати и семнадцатилетних девушек она выглядела ребёнком: невысокого роста, худенькая, в больших круглых очках и в не по размеру широких шортах, в которых стройные при других обстоятельствах ноги сейчас выглядели комично.

Мисс Готи подняла вверх левую руку и обернулась. Группа резко остановилась. Все взгляды с любопытством устремились на гида.

– Вы думаете, – прищурилась женщина, придавая сцене особую важность, – что, если здесь нет животных, обвалов и обрывов, то вы в безопасности?

Никто так, конечно же, не думал. Просто потому что по умолчанию доверялся системе, надёжность которой гарантировалась хотя бы ценой входного билета. Внезапно оказалось, что интерес Рут актуален для всех.

– Что вам известно о блуждающих порталах? – продолжала мисс Готи. – Ну... Судя по вашему молчанию, ничего. Но кроме тех порталов, через которые мы перемещаемся между Турцией и Египтом, есть и другие. Их никто не контролирует. Они, словно невидимые смерчи, гуляют когда захотят и где захотят. Аналогия понятна?

– Да, – хором ответили все.

– Ликийская тропа, по которой мы сейчас идём, от начального пункта и до конечного защищена по ширине в восемь метров от проникновения этих аномалий с обеих сторон. Здесь нет ограждений, как на некоторых других туристических объектах. Поэтому, если кто-то из вас решит, – мисс Готи посмотрела на Рут. – Если кто-то решит сойти с тропы в поисках приключений, то, боюсь, вас ещё не скоро найдут где-нибудь в песках Гоби или у подножия Гималаев. Всё ясно?

– Ясно, – воодушевлённо прозвучал хор.

Мисс Готи опять повернулась по направлению пути и движением руки дала команду вперёд. Теперь все подчинились уже без раздражения, мысленно представляя себя в шортах, с маленькой бутылочкой воды и пакетиком чипсов среди горячих барханов.

Ника родилась уже в том времени, когда Петля стала явлением почти обыденным. Но обыденным не значит доступным. Сегодня ей исполнилось восемнадцать. И путёвка на семь дней в Петлю была довольно дорогим подарком от родителей на её совершеннолетие. Семь дней, в течение которых девушку ждали незабываемые впечатления: Саграда Фамилия, Мескита, Лувр, Салар-де-Уюни (с розовыми фламинго и «Кладбищем паровозов») и старая добрая Долина Царей. Ликийская тропа тоже входила в этот список. Утром мама попрощалась с Никой у главного портала туристического агентства, а к вечеру уже ждала её возвращения, планируя спрятать своё беспокойство за приготовлением шарлотки и киша. Люди вокруг платформы шумели; особенно были возбуждены те, кому предстояло переместиться через портал впервые. Платформа постепенно сужалась, в конце концов переходя в узкий коридор, в котором мог уместиться только один человек. Понять насколько он длинный было невозможно, поскольку через каждые три или четыре метра по его внутреннему периметру загорались разноцветные рамки. Зелёный – значит можно перейти за границу рамки; розовый – значит тебя сканируют; красный – значит что-то с тобой не то... Ну, к примеру, у тебя имеется больше десяти вещей, которые можно с собой взять (считая и гардероб), или ты прихватил с собой своего любимого котика или морскую свинку (это было запрещено категорически и каралось большим штрафом). Из-за ограниченного гардероба гидам, курирующим туристические группы, постоянно приходилось выслушивать в свой адрес длинные рулады от разъярённых мамаш, готовых сунуть в рюкзаки своим деткам маленькую текстильную фабрику да ещё и булочную в придачу. В этом плане Нике повезло с мамой, которая вообще не участвовала в сборах, полностью положившись на благоразумие своей дочки. Возник, конечно, небольшой спор относительно лейкопластыря, но угас сам собою, поскольку у Ники, даже и вместе с ним, десяти вещей не набиралось: шорты, лёгкие эспадрильи с джутовой подошвой, топ, на мамин взгляд, несколько вызывающий (это что из одежды); а плюс к этому мини рюкзак, в котором жёсткий диск с фильмами, телефон без симки (специальную симку дадут в отеле), массажная расчёска и наушники. Правда, среди туристов были и такие, кто вообще ехал пустым. Но это, как правило, уже из бывалых. Поговаривали и о тех, кто путешествовал голышом, но для них коридор имелся отдельный, где-то сбоку, с выходом сразу ко второму сканеру.

Впрочем, многие вещи вам покажутся непонятными, если хотя бы вкратце не объяснить назначение всех этих порталов и вообще суть и историю возникновения Петли.

В 2038 году в рамках программы «Артемиды» международный экипаж астронавтов снова, после долгого перерыва, высадился с миссией на Луне. Это событие транслировалось на весь мир. Но уже через десять минут после выхода людей на поверхность трансляция прервалась. Помня шумиху, поднятую вокруг «Аполлонов», НАСА комментировать ничего не стало, сославшись на неполадки с оборудованием. Больше не было никаких дублей в павильонах, никаких научно-популярных статей. Только сухие доклады о проведённых на Луне испытаниях, несколько фотографий, десятков интервью с улыбающимися астронавтами, ну, и уверения в том, что не за горами тот день, когда на спутнике построят наконец первый подземный модуль для будущей лунной базы. Возможно, неутомимые журналисты и докопались бы до каких-то интересных деталей, но уже два месяца спустя их внимание было приковано к институту в Дице, где произошли куда более интересные события. Учёный из этого института, двадцатидвухлетний Габриэль Гаэль, стал нобелевским лауреатом по кибернетической физике. Его изыскания в области синхронизации дали возможность находить и изучать параллельные пространства, ранее не то что не изучаемые, но и не могущие быть даже

включёнными в научную сферу. То, что вчера считалось фантастикой, сегодня становилось предметом научной мысли. Через год лаборатория сумела создать своё собственное пространство, а сам Гаэль разработал временную петлю, позволяющую существовать этому пространству в цикле одного и того же дня. Этот цикл занимал ровно тринадцать часов. То есть каждые тринадцать часов время начиналось сначала. Около года проект, названный *Петлёй*, был исключительно в ведомстве военных, но скоро гриф секретности сняли и передали все коммерческие права на использование и разработку Петли в руки корпорации «Фьюче Энерджи», генеральный директор которой по совместительству занимал ещё и пост главного консультанта по искусственному интеллекту в НАСА. Кроме того, его связывала давняя дружба с Гаэлем. Не нужно обладать сверх интеллектом, чтобы, проведя связь между НАСА, «Фьюче Энерджи» и Габриэлем Гаэлем, понять, что лунная миссия «Артемида» в этой цепочке есть самое первое, утерянное из поля зрения, звено. Но чем более очевидным казался этот факт, тем большей стеной молчания он отгораживался от внимания СМИ. Никто не хотел копаться в неясном прошлом в то время, как очевидное сногшибательное будущее шагало по всей планете.

Пока туристами Петли могли стать только те, кто не сходил со страниц «Форбс». Восторженные интервью, фантастические шоу, невероятный взлёт акций «Фьюче Энерджи» и победное шествие науки, – вот что сопровождало первые три года новой эры в жизни людей. Но туристическая активность Петли росла, и ценник становился чуть ниже. Впрочем, не настолько, чтобы каждый мог позволить себе такую роскошь – прожить сколько угодно времени в течение одного дня. Хотите выучить иностранный язык? Или научиться играть на фортепиано? А может, хотите совершить кругосветное путешествие с заходом во все уголки мира? У вас нет на это времени? Ну что вы, – «Фьюче Энерджи» воплотит все ваши мечты в течение тринадцати часов!

В целом, девушки из группы мисс Готи вполне себе обладали информацией о Петле, многие даже пытались углубиться в детали. Но присущий юности романтизм не удерживал в уме того, что могло бы окрасить их ожидания в пессимистические тона. Всем было наплевать на миссию «Артемида», на растущие акции «Фьюче Энерджи» и даже на самого Гаэля.

– Ника, Ника, слушай... – затараторила Рут, неожиданно оказавшаяся за спиной вместо Оливии. – Видишь вон те жёлтые штуки внизу, похожие на буйки?

Ника посмотрела в ту сторону, куда, с видом заговорщицы, показывала глазами Рут:

– И?

– Я читала, что это такие ловушки для блуждающих порталов. Они на какое-то время способны удержать портал, если он вдруг на них наткнётся.

– Угу, – без особого интереса кивнула головой Ника.

– А потом их как-то пакуют и увозят по разным туристическим зонам. Там вставляют в специальные силовые поля, чтобы стабилизировать... ну, удержать. Рррр... В сущности, мы ими и пользуемся. Только есть одна проблема... Все вот которые жёлтые – это порталы «минус». А к ним нужны ещё «плюсы». Это те, из которых ты выйдешь на другом конце. Они с красными буйками, видишь? Вон там слева, за камнем... Там куст ещё такой, ну... Вооон...

– Да вижу, вижу, тише ты, – шикнула на неё Ника.

– В жёлтые можно войти, но нельзя выйти. В красные можно выйти, но нельзя войти. Тут так всё сложно... И интересно... Я бы хотела работать в патрулях, которые ловят плюсы и минусы и доставляют их в нужное место.

– Ясно, – выдохнула Ника. Болтовня Рут сбила её с какой-то важной мысли, как ей показалось.

– А знаешь, что я ещё прочитала? Есть такой греческий остров Лесбос. Там ещё когда жила Сафо. Ну, стихи писала и всё такое...

Рут негромко хихикнула, заметив, что Ника слегка насторожилась:

[illegible]

Кажется, эта тема была бы Нике куда интересней.

– Названьице так себе, – сказала она, – банальненько.

– Да уж, – согласилась Рут. – Я бы назвала...

Но в этот момент их прервал голос мисс Готи:

– Стоп машина...

Рут ударилась очками в рюкзак Ники, в мыслях целиком поглощённая ловлей ускользающих порталов на острове, где творится "такооооооо".

– Сейчас привал на полчаса. Кушаем, девочки, отдыхаем; особо продвинутые могут разжечь костёр вон там, – женщина показала на обложенное камнями кострище на небольшой полянке, примкнувшей к тропе.

Все гурьбой ринулись на поляну. Собственно, она представляла из себя смотровую площадку, обрамлённую для безопасности невысоким бордюром и перилами. Оттуда открывался потрясающий вид на Долину Бабочек. Это была бухта; тропу от неё отделял трёхсотметровый отвесный спуск. Обычно в бухту заплывали на яхтах и любили потусоваться на пляже. Но сегодня она была безлюдна. Впрочем, и бабочек там при всём желании сыскать было нельзя; не только животных никогда не водилось в Петле, но и насекомых тоже. Это было царство людей и растений. В первое время, кажется, животных сюда доставляли, но зоозащитные организации сразу подняли шум. Если человек шёл в Петлю сознательно и мог понимать и предвидеть всё, что с ним там происходило, то животное, раз за разом переживающее один и тот же день и лишённое возможности вести полноценную жизнь, попадало в несправедливое положение. К тому же пошли разговоры об охотничьих сафари в Петле, которые лет пять как были запрещены в реальном мире.

На часах 18:30, солнце скрылось на западе, и снизу потянуло прохладой. Костёр совсем бы не помешал. Продвинутой оказалась Оливия, и через десять минут все уже сидели вокруг огня, протягивая к нему руки. Вышли они утром, в 10:00. То есть как вышли... Из портала в отеле сразу оказались недалеко от развалин Миры, через следующий портал – в Патару, а оттуда – в «Белый Дельфин», за семь километров до Долины Бабочек, чтобы хоть как-то почувствовать, что это тропа, а не детский аттракцион. Ещё пара километров – и «минус».

Приятная усталость сладко обволокла тело Ники. Ликийская тропа не вызвала у неё особых восторгов, но это могло быть и следствием того, что другое чувство оказалось сильнее – чувство свободы от родительской опеки, чувство своей взрослости и возможности принимать самостоятельные решения. Относительно, конечно, самостоятельные. Нике захотелось даже поговорить с Рут, которая сидела слева и шевелила палочкой угольки. В её больших очках отражался костёр, а на лице застыла мечтательная улыбка.

– Рут, – тихонечко обратилась к ней Ника.

– А, – Рут мгновенно вострепнулась, бросила в огонь свою веточку и, обняв руками колени, повернулась в сторону Ники.

– А я вот не могу понять, – продолжила Ника, – слушай... Если в блуждающие порталы попадёт человек, то он переместится в другое место, в плюс. Так?

– Да.

– А если, к примеру, в минусе окажется дерево или, скажем, здание, то оно тоже переместится?

Рут поправила очки, стараясь собраться с мыслями:

– Насколько я смогла понять, это всё артефакты четвёртого измерения. Изначально Петля была четырёхмерной. Нам трудно это представить, но я пыталась. Это как пульсирующий мир, формы которого постоянно перетекают друг в друга. Убрать лишнее для нас измерение получилось не до конца, оно осталось в виде порталов. Где-то блуждающих порталов больше, где-

то меньше. Я думаю, что самые богатые получают самые безопасные зоны. Ещё я видела видео, как портал минус встречается с порталом плюс. Там такой яркий сгусток получается, как шаровая молния. Потом он трещит и так дыщщщ, уау... Розовый обруч быстро-быстро улетает вверх, в небо.

– Думаешь, нам попадётся такое?

– Ну это вряд ли. Патрули всегда в поиске и начеку. Но есть дикие зоны, и их всё ещё больше, чем облагороженных для туристов. Вот там жуть. Попади туда – и тебя уже вряд ли когда найдут. Мисс Готи ещё так мягко обрисовала картину, когда рассказывала о Гималаях.

Стоило упомянуть гида, как тут же её голос снова навис над головами девушек. Смолк радостный смех, хруст печенья и даже треск догорающих веток. В вечернем воздухе он казался ещё громче, так что удивил даже саму женщину. Мимолётная улыбка, промелькнувшая на её губах, сменилась прежней строгостью, и уже чуть тише она сказала:

– Мы тут с вами засиделись. До конечной точки, где будет портал, нам добираться минут сорок. Так что, если у вас ещё остались неоконченные дела в отеле, стоит поторопиться. Давайте девочки, хоп, хоп... – она похлопала в ладоши, глядя на то, как образуется привычная для неё шеренга.

– И не вздумайте расслабляться, – добавила мисс Готи. – Причину я вам уже пояснила. Я всех вижу, – и опять зачем-то строго посмотрела на Рут.

– Я так и не поняла, – переспросила Ника, обернувшись на ходу к Рут. – Что же со зданиями и деревьями?

– Со зданиями?... – Рут опять задумалась. – А чёрт его знает. Нигде не видела, чтобы с ними что-то случилось. Моя идея такая, что порталы реагируют только на то, что пришло из нашего, трёхмерного мира и что там же было и произведено по трёхмерным технологиям.

– Хм... Логично. Похоже на то.

Плюсовой портал в комнате Ники располагался перед самым зеркалом (от пола почти до самого потолка), но почувствовать его иначе, как с противоположной стороны, было нельзя. К тому же это был необычный портал, а многослойный. Семь плюсов, наложенные друг на друга, каждый из которых имел минус в тех точках туристического маршрута, которые были оговорены в путёвке. Времени до обнуления по возвращении с Ликийской тропы было ещё достаточно. Ника успела поужинать в кафе на первом этаже, потом они с Рут ещё сыграли партию в бильярд и искупались в бассейне. Перед обнулением рекомендовалось лечь в постель и расслабиться. Многим во время этого снились сны. Приснился сон и Нике. Будто они с Рут бегали по огромному полю, усеянному голубыми цветами, и сачками ловили шаровые молнии. На них совсем не было одежды, а сачки были двух цветов: у Рут жёлтый, а у Ники красный. И так это было здорово, забавно и легко. «Может и мне стать патрульной?» – подумала Ника. И открыла глаза.

Было новое утро вчерашнего дня. На часах 8:00. Это её первое обнуление. Ощущение странное: тело было воздушным, будто его и вовсе нет; в голове прекрасная пустота. Медленно наполняясь кровью и памятью о прошедшем дне, Ника зашла в душ, нажала на красную кнопку тёплой воды и подставила лицо под её нежные, щекочущие струи. Сегодня их с группой ждало новое путешествие в Луксор.

2

Ли знала намного больше, чем могла бы позволить себе при иных обстоятельствах. И знания эти совсем не были для неё необходимостью, но больше обузой, своего рода проклятием, перевернувшим её жизнь радикально и бесповоротно. И даже если бы она хотела обо

всём позабыть, то никто не позволил бы ей этого сделать, по крайней мере до сегодняшнего дня.

Радость, которую испытала Ли, когда её, выпускницу Гонконгского политехнического университета, выбрали для первой миссии «Артемиды» в качестве биоинженера, совсем скоро переросла в отчаяние и страх. Главное событие, ставшее вектором перелома, запомнилось Ли меньше всего. Она помнила, как модуль удачно приземлился на тёмной стороне Луны, недалеко от терминатора. Помнила, как вступила на поверхность спутника вместе с ещё двумя астронавтами; как сделала несколько шагов... А потом была яркая вспышка...

Очнулась она уже на обратном пути, когда модуль пристыковался к носителю и её онемевшее тело перенесли в медицинский отсек. Все суетились вокруг неё, задавали вопросы, на которые у Ли не было ответов. Она сама хотела бы что-то узнать о том, что случилось, но на её собственные вопросы все только отводили глаза и говорили, что ей нельзя волноваться. Так длилось ещё несколько дней, даже после того, как уже на земле девушку поместили в одну из экспериментальных медицинских лабораторий в Балтиморе, в Университете Джона Хопкинса.

Дней через пять после пребывания Ли в этой лаборатории в палату к ней зашёл средних лет мужчина, не по возрасту седоволосый и с аккуратной, сохранившей ещё рыжий цвет, бородкой. Заострёнными чертами лица и цепким взглядом он походил на Ван Гога, портрет которого висел когда-то в кабинете директора университета. Так Ли и прозвала его про себя – Ван Гог.

– Как вы себя чувствуете? – приятным, мягким басом проговорил он.

Ли уже не терпелось съязвить, и она почти выпалила на одном дыхании:

– Чувствовала бы лучше, если бы мне объяснили хоть что-нибудь!

Мужчина улыбнулся:

– Вы же должны понимать, что «Артемиды» – на восемьдесят процентов миссия засекреченная. А уж после того, что там случилось, так и на все сто. Улаживание секретных протоколов – дело не быстрое.

Мужчина сделал паузу, на секунду нахмурился и продолжил:

– Я расскажу вам то, что знаю сам. И я уверен, что больше, чем я, вам уже вряд ли кто-то расскажет. Имейте в виду, что наш разговор записывается, и по выходе из нашего центра вам придётся, разумеется, подписать соответствующие документы.

– Я понимаю, – сказала Ли, с нетерпением ожидая продолжения.

– При высадке на Луну ваша команда попала под негативное влияние неких существ... – «Ван Гог» закашлялся, видимо, с трудом пытаясь подобрать правильные слова. – Мы называем их «тёмные»...

– Что? – это вырвалось из уст Ли непроизвольно, и она поспешила извиниться. – Нет, нет, продолжайте. Это я просто от неожиданности.

– Понимаю, – снова заулыбался доктор. – Возможно, последнее, что вы запомнили, было яркой вспышкой. Так всегда происходит. Происходило раньше... С одной только разницей. После этой вспышки никто к жизни, в отличие от вас, не возвращался. Но это не было случайностью или провидением. Вас спасли другие существа, которых мы называем «светлые». До банального логично... – как бы сам себе сказал мужчина, коротко рассмеялся и замолчал, ожидая от девушки каких-то вопросов.

Ли только пожала плечами, не находя подходящих слов.

– Но тут главное не в самом факте спасенья, – продолжил доктор, – что для вас, разумеется, важно. Главное в том, КАК вас спасли. Главное в том, ЧТО теперь из себя представляет ваше тело.

– В смысле? – заговорила наконец Ли. – Что с моим телом?

– В плане функционирования и самоощущения ничего. Но... Видите ли... Теперь вы наполовину существо синтетическое. Вы же биоинженер по специальности, поэтому должны понять это правильно.

Ли всё это время сидела на краю кровати, одетая в тонкий белый больничный халатик. После этих слов она не на шутку испугалась, вскочила, подбежала к зеркалу и распахнула одежду. Тело её было прежним. Никаких шрамов, никаких странностей. Разве только грудь стала более подтянутой, и кожа на животе казалась глаже обычного.

– Я не понимаю, – выговорила она, полуобернувшись в сторону доктора.

– Не волнуйтесь, – успокоил её мужчина. – Внешних признаков вы тоже не обнаружите. Позже я принесу все отчёты с исследованиями относительно вашего «обновлённого» тела. Уверен, что вы разберётесь что к чему. Вам ещё предстоит объехать не один исследовательский институт, поскольку технологии, заложенные в вашем теле, имеют теперь особую ценность для человечества. К тому же, будучи биоинженером, вы сами станете одновременно и объектом исследований и их субъектом... Если, конечно, захотите. Простите, что не представился вам. Это всё по той же причине: я лишь незримый оттенок в вашей жизни. Представляете, сколько интересного вас теперь ждёт?!

После слов об "оттенке" доктор ещё более "овангогился" в представлении Ли. Непонятно, зачем он вообще об этом сказал. Неужели на секунду позавидовал девушке?

– Да, вот ещё что, – напоследок добавил доктор. – Скоро вы заметите отсутствие менструальных циклов. Но не беспокойтесь. Во всём остальном по женской части у вас полный порядок.

Вот так началось это медленное падение в бездну. Даже почти с плясками и присвистыванием в душе от чувства избранности и от предвкушения открывающихся человечеству перспектив. Целый год после описанного выше диалога вместе со своей командой Ли колесила по миру. Все светочи биоинженерии были теперь в постоянном контакте с ней. Кто бы мог подумать, что когда-то предметом её исследований будет она сама! Через год Ли даже защитила кандидатскую по одной из побочных тем, не подпадавших под гриф секретности. И как раз тогда по военному ведомству пошли первые эксперименты с Петлёй. В Петле был создан исследовательский институт, куда Ли со всеми лучшими специалистами была перемещена. Согласитесь, что куда практичнее исследовать за один бесконечный день то, что при земных условиях заняло бы многие годы. В конце концов все точки над «i» были расставлены, и технология приобрела промышленные масштабы. Правда, для избранных. Для среднего класса и чуть повыше предлагались полностью синтезированные организмы: для помощи по дому, для ухода за больными в госпиталях, для некоторых чисто военных миссий, ну и – как же без этого – для сексуальных утех.

Когда военные передали Петлю гражданским, то центр по производству «синтетических организмов» переместился в обычный земной бельгийский городок Синт-Никлас. Так этих полностью синтезированных людей и стали называть «синтами» (и в честь самой технологии, и в честь городка). Когда все исследования были прикрыты, Ли оказалась не у дел. Все былые связи постепенно растаяли. А в душе накапливалось какое-то вселенское разочарование от вихря того безумия, которое породила череда последних открытий. Возможно, немалую часть начавшейся дистимии занимало необъяснимое нежелание Ли заниматься сексом. Ей было всего лишь двадцать пять лет, а чувствовала она себя в плане сексуальности на все шестьдесят. Одну маленькую аномалию во внутренней области гениталий, на которую когда-то указал ей ещё «Ван Гог», не удалось расшифровать до конца никому. Впрочем, её посчитали не столь существенной, поскольку она имелась только у Ли, и в новых, созданных на основе её тела технологиях, не передавалась никаким другим моделям. Поначалу Ли списывала свою асексуальность на действие Петли, но и в течение целого года, проведённого

на Земле, ничего не менялось. И было в этом что-то странное: где-то глубоко в душе она хотела найти друга, хотела страстно, но... Повсюду ей попадались какие-то странные парни, отталкивающие от себя при одной только мысли о близком с ними контакте. Всё это время, от закрытия института в Петле и до того дня, когда Ли начала искать новые пути для обретения внутреннего покоя, словно бы скомкалось в одну бесформенную субстанцию, внутри которой потерялись следствия и причины. Ли уволилась из гонконгского политехнического, где по инерции ещё продолжала преподавать, и почувствовала, что и к науке её интерес увял. От этого становилось ещё обиднее. Круглосуточные слежки, которые были неизменным атрибутом её жизни, тоже внезапно прекратились. Ведь она знала слишком много о миссии «Артемиды», и не только её молчание было важно для служб безопасности, но и её сохранность от враждебных интересов. Вездесущие «люди в чёрном» раньше прямо-таки лезли в глаза, так что хотелось уже дать им по морде. Но теперь и они пропали, поскольку посвящённых в секретную информацию и помимо неё становилось всё больше в результате масштабности технологического прогресса. И даже это Ли раздражало. Она почти никому не была теперь интересна. Ни в какой роли. Родителей своих она не знала, потому что росла в детдоме. В десять лет была отдана в спецшколу для одарённых детей. Потом учёба, учёба, учёба...

Однажды в объявлении Ли прочитала, что в Петлю требуются отчаянные люди для контроля за блуждающими порталами. Работа была опасная. В патруле должно было быть четыре синта и один старший наблюдатель-человек. Ли это показалось заманчивым, и она без труда прошла отбор и на два года переместилась в Петлю. Это было славное время. Общаться с синтами было куда приятнее. Они не задавали лишних вопросов, исправно исполняли свои обязанности и адекватно реагировали на настроения окружающих их людей. Синты оказались настолько естественны в своём поведении, что Ли часто забывала о том, что они не люди. Однако она и сама наполовину не была человеком, что странным образом повышало её самооценку. На «выходные» она возвращалась в Гонконг, в вечер того же дня, в который отправлялась на предыдущую смену. Но и здесь случилось непредвиденное.

Кто знает, кому и зачем это понадобилось, – человек существо непредсказуемое в своих желаниях – но синты стали уже столь совершенны, что некоторые люди заключали с ними брак. Как следствие, появилась потребность в том, чтобы синты смогли и рожать. А спрос, как известно, рождает предложение. Если раньше человеку пересаживали синтетические органы и ткани, то теперь синту стали имплантировать человеческие. Первые синты-роженницы не сходили с новостных лент в течение месяца. Мир усложнялся. Когнитивный диссонанс человечества медленно перетекал в неостановимое отрицание всего и вся. Намечался некий социальный регресс. Большинству уже хотелось вернуть прежние времена, когда мир казался более-менее простым. Крепло протестное движение по любому поводу. Иногда погромы устраивались и вовсе на пустом месте. Не остались в стороне и защитники традиционных семейных ценностей, хотя семья уже несколько лет как перестала быть привычной ячейкой общества. Сам институт брака переживал тяжелейший кризис. Никто не хотел возлагать на себя обязательства, если они превышали уровень удовольствия. Власть всё это понимала, но прогресс остановить уже не могла. Приходилось идти навстречу общественным капризам как одних, так и других, даже если первые были прямо перпендикулярны вторым. С синтами поступили так: постановили, что процент «человечности» не должен у них превышать уровень 60. Фабрики, ещё полгода назад не успевающие за спросом, одна за другой разорялись. Когда-то по разумности равные человеку, роботы стали превращаться в машины для охраны, для уборки или для санитарных услуг в обсерваторах при разгule очередной вирусной пандемии. Буйным цветом расцвёл чёрный рынок услуг по защите синтов «старого образца» от перепрограммирования. Разумеется, и сексуальные услуги этого «старого образца» тоже переместились в теневой сектор. В воздухе витал дух революции, совершенно невозможный при теперешнем уровне контроля и от этого делавшийся ещё более терпким.

Поначалу Ли просто расстраивалась, когда одного за другим из её патрульной бригады забирали на перепрошивку синтов. Но потом беспокоилась и о самой себе. По большому счёту, её мозг на девяносто процентов был синтетическим, потому как лунный инцидент в первую очередь повредил его. Всю технологию синтетической нейронной модели копировали именно с Ли. В этом смысле она была синтом почти в чистом виде. Да и многие из обновлённых команд в секретных ведомствах были бы не прочь «перепрошить» мозг Ли, в особенности ту его часть, в которой хранилась память. Ходило множество слухов о том, что объединённое правительство Конфедерации заключило сделку с «тёмными». В чём была суть этой сделки, не знал никто из непосвящённых, но Ли отчасти всё же была посвящена в некоторые немало-важные детали, отчего её страх за свою жизнь день ото дня делался всё сильнее.

Ей повезло. Её начальник – главный над всеми патрулями – был мужиком что надо. Он ещё помнил узкоколейки, по которым носились механические дрезины с оборудованием для установки порталов. Пожалуй, это был в Петле единственный, кому Ли доверяла и кого уважала буквально за всё. Чувствуя это, босс платил ей той же монетой. Сегодня голос босса по рации показался Ли чересчур тревожным. Он просил зайти её после смены в офис для «очень серьёзного разговора». Когда смена закончилась и с предчувствием беды она постучала в дверь кабинета, дверь ей открыл сам начальник.

– Давай заходи, – с опаской заглядывая в коридор, тихим голосом произнёс он. – Садись... Будешь текилу?

Ли вопросительно на него посмотрела. Она ни разу не видела его столь встревоженным и уж тем более предлагающим ей текилу.

– А... – махнул рукой мужчина, – поверь мне, тебе надо прежде выпить. Так что будешь.

Он направился к бару, достал из него початую бутылку «Эсполона» и разлил по рюмкам, расплёскивая по столу капли драгоценного алкоголя.

– В общем, – даже не чокнувшись, он одним глотком опустошил рюмку, – в общем, дело такое... Штат у нас, как ты видишь, становится весьма специфическим. Кризис на рынке синтов создал много проблем. Многие из них теперь не находят себе применения. А штука эта дорогущая, чтобы прямо вот так взять и утилизировать её с концами. Давай ещё по одной...

Босс наполнил свою и долил Ли. Она выпила только половину. Мужчина вынул из кармана чуть помятый листок бумаги, совсем небольшой и испещрённый наспех написанным текстом, и пододвинул его к Ли вместе с её рюмкой. При этом он приложил палец к губам, чтобы Ли по этому поводу не задавала ему вопросов.

– Мне очень жаль тебе говорить об этом, – продолжил между тем он, – но и твоё место со следующей недели займёт синт. Вот как-то так... Ты была очень хорошим патрульным. Ты даже не представляешь, как жаль мне будет с тобой расстаться... Но времена теперь такие... Прости...

Он вынул из ящика пепельницу, поставил её на стол и закурил.

– Ты не куришь? – спросил он, глядя, как меняется в лице Ли, читая написанные на листе слова.

«Завтра же, когда будешь в Гонконге, позвони по этому телефону – A673FS15447. Звони по одноразовому, при этом постарайся уйти от слежки и подальше от своего дома, чтобы тебя не смогли локализовать. Тебе объяснят, что нужно делать далее. Поверь, это ради твоей безопасности. А она сейчас под очень большой угрозой. Прощай. Думаю, что мы уже не увидимся. И надеюсь, что ты доверишься мне и теперь, как доверяла всегда раньше.»

– Курю, – стараясь быть спокойной, произнесла Ли.

Мужчина протянул ей сигарету и чиркнул зажигалкой. Когда сигарета затлела, он положил прочитанную Ли записку в пепельницу и той же зажигалкой предал её огню. На секунду

Ли показалось, что скелеты, изображенные на бутылке текилы, ожили и готовы сорваться с этикетки прямо к ним в кабинет.

– Я всё понимаю, босс, – затянувшись, выдохнула Ли. – Я и сама планировала вернуться домой и поискать другую работу. Так что не беспокойтесь за меня. Думаю, у меня всё получится.

3

Калев Эдвардс жил в маленьком городке Лейктаун, в двух километрах от Большого Залива, где на диких песчаных пляжах ещё встречались чудаковатые барригоны. Не знаю как сейчас, но раньше здесь проживало около сорока тысяч человек. В таких провинциальных уголках редко случается что-нибудь выдающееся. Обычный среднестатистический мурвейник: люди рождались, учились, становились бухгалтерами или дантистами, как Калев; потом, если возникало желание, создавали семьи, растили новых благодарных судьбе жителей, и в конце концов, ни о чём особо не сожалея, мирно покидали этот мир, окружённые заботой девушек-волонтёров в приюте, расположенном в конце Питтсбург Авеню на скалистом берегу с видами на закат. При этом у каждого была своя тайна, никем не понятая да и предназначенная для других целей. В этой тайне и состояла вся утончённая прелесть такой захолустной жизни; эта видимая обыденность выплёвывала, как шелуху, тех, кто рвался покорять столичные небоскрёбы; в этой умеренности призраками проносились те, кто, не помышляя войти в историю, удерживал на плечах, подобно Атланту, хрупкий человеческий мир. Калебу был по душе аромат этого городка. Он стоял у окна, залитый восходящим солнцем. На лице его застыла улыбка, которая стороннему наблюдателю могла показаться весьма странной. Но искушённые люди предположили бы, что этот парень, скорее всего, влюблён. И они бы не ошиблись. В закоулках его разума песней звучало слово «Принцесса». Это было название отеля, километрах в трёх к юго-западу от его дома. «Принцесса» – лучше и не опишешь ту цель, ради которой он стал тайным членом клуба «13». Как именно он вышел на сайт отеля и как с его страницы попал на портал клуба, Калев уже не помнил. За неделю до этого он расстался со своей девушкой, с которой дружил все годы своей учёбы в медицинской академии. Они даже планировали скорую свадьбу, как это и водится обыкновенно в Лейктауне. Но девушка повела себя весьма странно – сначала оттягивала помолвку, потом и вовсе выразила сомнения по поводу их возможного союза. С каждым днём она делалась всё холоднее. Их встречи случались реже, пока окончательно не оборвались после её неожиданного звонка. Тысячу раз извинившись, она сообщила, что переехала в другой город, и что теперь у неё новая жизнь и новый приятель. Сказать, что это было для Калеба больно – не сказать ничего. Не в силах оставаться один, бессмысленно перебирая в памяти всё то лучшее, что совсем недавно сулило этой паре счастливый союз, он на несколько дней уехал к родителям. И не для того, чтобы выплакаться (о разлуке с девушкой он не сказал ни слова), а лишь затем, чтобы почувствовать на своём плече уверенную руку отца, а на лице своём бескорыстную материнскую любовь. По закону старого доброго Архимеда, тёплый воздух вытесняется вверх. Вот так и здесь – тепло родительского гнезда выветрило всю стужу из головы. Наверно, именно это душевное состояние – нечто среднее между почти ушедшей тревогой и ещё не до конца осознанным желанием новизны – и привело его на вышеупомянутый сайт. Это было что-то вроде знакомств. Среди ищущих себе пару по переписке были и синты. Пары подбирались по характеру ответов на тринадцать вопросов. Калебу досталась она. Ли.

Они общались почти месяц. Каждый день помногу часов. А однажды Калев просидел до утра, забывшись сном только перед самой работой. В далёкие планы его входило заняться исключительно частной практикой, но пока, за неимением достаточных средств, приходилось работать, что называется, «на дядю» в государственной клинике для ветеранов. В конце кон-

цов непреодолимое желание встретиться с Ли в реальной жизни заставило его совершить эту роковую ошибку. Когда он предложил это Ли и спросил, каким образом можно это осуществить, она пропала на два дня. Эти два дня он провёл словно в бреду, то ругая себя за эту глупость, то воспаляя сердце чем-то уже похोдившим на любовь. Но на третий день Ли вышла на связь и попросила Калеба подойти к «Принцессе» и сказать синту-портье при входе кодовое слово «13». Так он и сделал. На что портье, подумав секунд пять, протянул ему карточку, которая останавливала лифт на тринадцатом этаже. Единственный в Лейктауне отель и немногочисленные высотки, имея физически тринадцатые этажи, старались делать их нежилыми, и лифты на этих этажах никогда не открывались. Но «несчастливый» этаж «Принцессы» был вполне себе функционирующим для избранных и доставлял им, вопреки суевериям, только радость и удовольствие. Это был не какой-то там банальный бордель. За последние десять лет в Конфедерации отношение к такого рода услугам полностью утратило негативный смысл, всё больше облекаясь в романтику солоновского диктериона. И «живые» девушки, и синты старого образца, нашедшие за стенами отеля надёжное для себя убежище, выбирали клиентов сами, как в последствии узнал Калеб. Псевдоинтеллектуальный подбор партнёра по анкете в основном и служил для того, чтобы выбирать могла только девушка. Сердце Калеба неистово колотилось в груди от предвкушения встречи с Ли. Но к этому чувству примешивался и страх. Страх попасть в тюремную Петлю, потому как «близкий контакт с синтом» в новом Кодексе значился как преступление NCS-001300. А что? Петля оказалась настолько универсальной штукой, что не осталось, пожалуй, ни одной области социальной жизни, которой бы она не коснулась. Физических тюрем более не существовало; какие-то из них превратили в музеи, не особенно, правда, популярные у туристов; другие же переделали под больницы. Для преступника внутри Петли срок заключения ощущался вполне реальным. А для его родственников и друзей это занимало всего тринадцать часов. Ещё жертвы не успевали забыть про свои обиды или залечить раны, если преступление было тяжким, — а преступник уже к вечеру, как ни в чём ни бывало, смотрел новости, попивая у себя в гостиной кальвадос. Бывало и так, что в новостях как раз говорили о его задержании, которое для него самого было уже событием туманной юности. Такое несоответствие между психическим состоянием отбывшего наказания преступника и не успевшей ещё опомниться жертвой вынудило власти пойти на создание специальной программы для реабилитации жертв преступлений. Собиралась специальная комиссия из психологов и юристов и, в случае необходимости, когда объект преступления не мог примириться со столь быстрым с точки зрения реального времени возвращением преступника, отправляла бедолагу в специальный экскурсионный тур сроком на один или два года в Петлю. Финансировалось это наполовину корпорациями, владеющими локациями Петли, и наполовину правительством Конфедерации. Для жертвы, разумеется, всё было бесплатно. Нда... Сами понимаете, что желающих стать «пострадавшими» стало куда больше, чем желающих провести несколько лет за стенами в дне сурка. «Си пи» (crime provocation), ставшее на пару лет чуть ли не повальным явлением, жёстко было пресечено. Статью о «провокации к совершению преступления» никто не отменял. Теперь преступник легко становился жертвой, и наоборот. Сотни уголовных дел, прогремевших по всей Конфедерации, охладили пыл любителей подобной халявы.

Конечно, клуб гарантировал полную анонимность и защиту от вездесущего ока спецслужб. Но всё же... Страх был не последним чувством, которое в тот день пережил Калеб. Студенческие будни вовсе не означали, что он был ботаником. В Академии имелаась военная кафедра, так что на старших курсах пришлось полгода побывать бригадным врачом, часто в полевых условиях и в ситуациях иногда даже опасных для жизни. Однажды пришлось оперировать командира в минуты, когда мало кто надеялся выжить при очередной вражеской контратаке. Калеб не любил оружие, не любил насилие ни в каком виде, и лишь поэтому,

а вовсе не из боязни, как могли подумать его сокурсники, выбрал в итоге специализацию самого заурядного дантиста.

При близком общении Ли оказалась именно такой, какой он себе её и представлял. И даже более того: её чуть раскосые глаза оказались пронзительно зелёного цвета, так что при первой же встрече у него даже подкосились ноги. Наверняка Ли понимала всю силу такого контраста и умело пользовалась им, когда хотела сразить кавалера. Калёб ничего не знал о том, кем на самом деле была Ли. Он считал её синтом. Да и Ли не особенно желала раскрывать Калёбу все свои тайны. После того разговора с боссом она сделала всё так, как было указано в записке. Пришлось покинуть Гонконг, свой дом, свою страну и обустроиться здесь, потому как угроза её жизни (а точнее, её личности) существовала серьёзная. Что-то она рассказывала Калёбу о своём прошлом, делилась какими-то интересами и планами, которые имела на будущее, но сдерживала себя, чтобы не сказать больше, хотя сделать это с каждым днём подрывало всё сильнее. Они пили вино, курили, шутили и просто дурачились, как это бывает с теми, кто за долгие совместные вечера уже исчерпал лимит того, чего можно было ещё стесняться.

– Знаешь, – сказал Калёб, когда они допили по последнему бокалу «Барберы», – а ведь если бы не мой прапрадед, то я бы мог и не оказаться сейчас здесь.

– Ого, – промолвила Ли, пытаясь по виду Калёба угадать, шутка это сейчас с его стороны или уже настоящая история.

– Нет, кроме шуток. У нас в семье сохранилось много его писем, которые он писал моей прапрабабке в ту пору, когда они были в разлуке. Он у меня военным медиком до самой смерти служил. Да и в поэзии был силён. Я часто читал их, когда гостил у родителей. И вот одно запомнилось мне. Там он размышлял о природе числа 13. Интересно так размышлял. И даже подумывал организовать некий клуб «13», чтобы бороться с предрассудками, касающимися этого числа. Прапрабабка его, конечно, всячески отговаривала. Суеверная была. И вот когда на сайте я увидел приглашение, то первым делом и вспомнил о том письме и даже подумал, что, может, клуб этот всё же удалось организовать. Ну... Когда понял, что ошибся, то было уже поздно.

Они рассмеялись.

– Да в каком-то смысле, – заметила Ли, – этот этаж в меру своих возможностей борется с этим суеверием. Для Лейктауна это прям чудо. Никогда нигде не встречала пустующих тринадцатых этажей. Обычно их просто называют по-другому, к примеру там, 12В или уж сразу 14. А здесь в каждом доме все тринадцатые этажи пустые. Серьёзно все двинулись на этой теме. Откуда здесь такое?

– Да тут и домов-то выше двенадцатого этажа всего три штуки, включая этот отель. Так что не нагнета-а-а-й, – Калёб, изображая зомби, обнял Ли и потянулся зубами к её шее.

Впервые за многие годы Ли захотелось физической близости с парнем. Она предчувствовала это ещё на стадии их общения в интернете. Рационального объяснения этому предчувствию не было. Организм просто дал сигнал – и Ли этому сигналу совершенно не хотела противиться. Кроме того, ей стали открываться какие-то странные вещи, о которых она до того не подозревала. Словно мозг её прежде работал лишь на девяносто процентов, но после знакомства с Калёбом включил оставшиеся десять. И в этих десяти как бы оказалась вся суть её последующей жизни, её главная цель и, пусть не прозвучит пафосно, её миссия на данном этапе. Она сама неосознанно подстрекала Калёба к свиданию, это было ключевым звеном тех событий, которые начались на Луне. Не больше и не меньше. Так ей казалось. Да что там... Она была в этом уверена. Жар томил её тело, страсть заволакивала рассудок. Их первая ночь выдалась такой же чудесной, неописуемо восхитительной и искренней, какой она бывает только у по-настоящему влюблённых друг в друга людей...

Наутро он уже не застал в номере Ли. Счастье переполняло его. В окно, полуприкрытое тонкой занавеской, пробивались лучи солнца. Он смотрел на них и улыбался. Потом уткнулся лицом в подушку, на которой ночью спала Ли. От подушки пахло лавандой. Это запах её волос. Теперь он навек запомнится ему как запах любви. Он посмотрел на часы, вмонтированные в стену над входной дверью. Боже! Он же опаздывал на работу! «Ладно, – подумал Кaleb, – спишемся вечером в интернете. Надеюсь, не обидится, если не застанет меня в постели». Он ещё раз вдохнул аромат лаванды и, наспех одевшись, выбежал в коридор.

Эту ночь Кaleb вспоминал ещё долго, часами бессмысленно бродя по тюремным дворам. Утром, когда он вернулся домой из «Принцессы», его уже ждал наряд полиции и адвокат, – всё как полагается в таких случаях. Адвокат объяснил, что был анонимный звонок и видеодокладительство. Каким образом? Зачем? Почему? Дальнейшее всплывало в памяти, будто нарисованные местами картинки: бесконечные вопросы дознавателя о том, кто такая Ли и что он о ней знает; толстое, лоснящееся лицо прокурора, безучастный взгляд судьи, стук молотка... Кажется, он ничего не рассказал на следствии о Ли. Представил её как случайную знакомую, с которой провёл ночь в каком-то не оставшемся в памяти мотеле. Ему хотелось защитить её. Ни о чём другом он в моменты допроса не беспокоился, кроме, разумеется, родителей, которые наверняка будут переживать. Успокаивало лишь то, что их переживания продлятся только тринадцать часов. Для него же четыреста дней в Петле – довольно жестокое наказание за одну ночь любви.

Тюрьма представляла из себя стандартное строение старого образца, годов этак пятидесятих двадцатого века: красный, мрачного вида кирпич, увитый всевозможными проводами и трубами. Отличие было лишь в том, что никто здесь не закрывал дверей камер, и вообще из наблюдателей было только трое синтов, безучастных ко всему и говорящих в случае необходимости чётко прописанными инструкциями. В столовой каждые тринадцать часов сама по себе возобновлялась вчерашняя пища; покалеченные в драках эки обнулялись снова свеженькими и без единой царапины. Вся территория тюремного комплекса была, в сущности, сплошным минусовым порталом. Знающие люди говорили, что его силовой контур закопан глубоко под землёй, а у каждого заключённого под сердцем вживлён блокатор перехода, отключавшийся только по окончании срока наказания. Кроме того, у всех на руке имелся таймер, на котором было показано, сколько циклов осталось до освобождения и сколько времени занимал каждый цикл. Вот эта вторая цифра была куда интереснее первой. Тринадцатичасовой цикл мог уменьшаться в случае, если по каким-то причинам человек умирал. Умирал он как бы условно, потому как при обнулении воскресал в прежнем своём виде, но эта условность не отменяла всей реальности тех чувств, которые испытывает обычный человек в момент смерти. Если заключённый совершал самоубийство, то уменьшение времени цикла компенсировалось увеличением количества самих циклов в первой строчке таймера. Ведь самоубийство – это, по тюремному Кодексу, тоже преступление, значившееся как SK-400673. Но теоретически – а математика в этих унылых лабиринтах, надо сказать, была в широком употреблении, – теоретически при продолжительности цикла, равной нулю, автоматически превращался в ноль и первый показатель. Впрочем, искусство быть осторожным и проверять теории на других было развито в этой среде куда больше математики. Именно по этой причине на спортивной площадке главного двора каждое утро в 10:14 по местному времени собиралась большая толпа людей посмотреть на главное действо, бывшее здесь развлечением уже почти месяц.

Среди осуждённых (а их числилось сорок три человека) был некто по прозвищу Лимбо. По истине несчастное существо. Был он наркоманом, по наркотической статье и залетевшим

на 1300 циклов, и перед отправкой в Петлю находился в страшной ломке. И вот представьте себе, каково каждое утро просыпаться от чувства, что твоё тело разрывают на части. Некоторое время он ещё пытался произвести из всевозможного дерьма какие-то наркообразные суррогаты, но успехов в этом не добился, продолжая день за днём испытывать адские муки. И вот в один прекрасный день просто разбежался из всех сил и разбил свою голову об грязную кирпичную стену. Обнулившись на следующее утро, он заметил, что время его цикла сократилось. Он повторил всю операцию снова – цикл продолжал сокращаться. По тюрьме пошли оживлённые философские рассуждения о природе времени и пространства. Их и раньше было предостаточно, но всё больше практического направления, в узких, так сказать, рамках. Например, давно было замечено, что, хотя отбывший наказание возвращался на землю лишь с тринадцатичасовой разницей относительно момента отправки в тюрьму, возвращался-то он в прошлое (относительно тех, кто прибыл в ту же тюрьму месяцем, например, позже). Вновь прибывающие сюда всегда называли даты из будущего, как если бы количество проведённых здесь дней синхронизировалось с временем на земле. Но каждый лично возвращался в то время, из которого приходил. Информация о будущем сделалась особенно ценной, когда люди смекнули, что так можно по возвращении разбогатеть, играя в тотализатор. Появились «ходоки», которых специально посылали криминальные группировки исключительно с целью разведки будущего. Властям как-то приходилось с этим бороться, но как именно, никто точно не знал. Но в случае с Лимбо философия была исключительно общей и даже с подбором умных слов вроде бодрей-яровских симулякров. Но если сорок два человека корпели только над теоретической частью, то Лимбо на практике доказывал призрачную возможность досрочной свободы. Сегодня же было особенное утро...

– Ну, как думаешь? Свобода? – спросил Калеба Микки, молодой парнишка, который уже сегодня, через несколько минут, должен был выйти на «точку искупления», то есть закончить последний цикл и для всех наблюдающих просто раствориться в воздухе.

– Ну это вряд ли, – слегка усмехнулся Калеб. – Не верю, что система могла допустить такой лаг в алгоритме.

– Да, да, да, – протараторил Микки, нервно теребя сигарету и постукивая по земле пяткой.

– Давай, Лимбо, давай! – закричал он, подхваченный хором мужских голосов. Он посматривал на таймер. Ему хотелось успеть увидеть, чем закончится эта авантюра с самоубийствами. Сегодня циклы Лимбо должны были достичь нуля.

На лице Лимбо застыло то ли удовольствие от такого внимания к его персоне, то ли судорога ставшей почти привычной боли. Двадцать метров от баскетбольного щита до стены склада спортивного инвентаря – он изучил эту дистанцию до миллиметра, до каждого камушка, до молекулы. В душе он надеялся лишь на освобождение от страданий. Каким образом будет это освобождение выглядеть, ему было уже всё равно; даже в аду, полагал он, мучения не будут столь жестоки. Под мерные «раз, два, три», раздавшиеся из толпы, он покачал корпусом и разбежался...

Дальнейшее вряд ли можно описать легко понятными образами. Все уже привыкли к разбитой голове Лимбо, вид крови никого в этом заведении не пугал. Но через секунду привычная картина стала у всех на глазах меняться... Это был уже не Лимбо. И даже не человек. Это было месиво из тускло светящихся волокон, внутри которых то ли бегали огоньки, то ли ползали черви. Это перевоплощение выглядело как убыстренная съёмка распускающегося цветка, только здесь вместо цветка рождалось чудовище. Каким-то непостижимым образом то там, то тут вырисовывалось лицо Лимбо, полное мук и отчаяния. Он ничего не мог говорить внятно, что-то мямлил, то ли умолял, то ли проклинал, то ли пытался поведать только одному ему известную тайну. Такого не ожидал никто. Все сидели, раскрыв рты и в полной тишине. Калеб

посмотрел на Микки. На его таймере до исчезновения оставалось четыре секунды, но даже об этом Микки уже не помнил. В левой руке у него тлела наполовину выкуренная сигарета. Кaleb внимательно смотрел на циферблат и считал про себя: "Четыре... Три... Два... Один... Поехали!». В воздухе осталась висеть на какое-то мгновение сигарета. Микки испарился. Кaleb успел схватить сигарету прежде, чем та упала. Трясущимися от нахлынувшего волнения руками он поднёс её к губам и глубоко затянулся. Повсюду зажглись прожекторы, раздался вой сирены, и голос из огромного монитора, висевшего над центральным входом в здание тюрьмы, стал увещевать монотонно, чтобы заключённые соблюдали порядок и расходились по своим камерам. Трое синтов, пребывавших по обыкновению в скуке, засуетились, выкатили из ангара подъёмник, поместили бесформенную массу Лимбо на платформу и снова заехали с этим грузом в ангар. Несколько минут в ангаре что-то скрипело и гроыхало, словно открывались огромные двери на заржавелых петлях. Потом всё затихло. Заключённые с необычайной покорностью, молча, один за другим стали покидать двор, следуя инструкциям из громкоговорителя. Никто старался не смотреть друг другу в глаза. Кaleb тоже поймал себя на нежелании это делать и нашёл тому объяснение: ведь это было крушение их надежд! Надежд, столько циклов питавших их воспалённые умы. Все только делали вид, будто им безразличен исход этого эксперимента, но в глубине души каждый надеялся, что Лимбо пробьёт брешь в этой адской машине. Возможно, Кaleb тоже обманывал себя, стараясь выглядеть пессимистом. Он снова вспомнил о Ли и о той ночи, полной неподдельной любви. И от этих воспоминаний ему сделалось на минуту легче.

4

Если бы мистический разум, вдруг проснувшийся в ком-либо, смог заглянуть в глубины души Гаэля, то он обнаружил бы там чёрную пустоту и вряд ли смог бы понять, что эта пустота и есть главное содержание души этого человека. Пустота обрела в нём форму, стала субъектом и одновременно маской, очень оригинальной в своей кажущейся беспредметности. Да и человек ли то был? Да разве мог бы человек придумать что-то вроде Петли? Разве мог бы человек убедить миллиарды разумных существ примерять на себя эту новую чудовищную реальность, и не только примерять, но и жаждать этого до потери рассудка, до преступления, до оправдания самых отвратительных своих мотивов? Тюрьмы, туристические забавы, закоулки для всякого рода сексуальных извращений, – это была одна сотая от того, чем занималась Петля. Её функции поглощали всё то, что тысячелетиями томилось в подсознании человечества, ожидая случая вырваться на свободу и уже более никогда не вернуться в прежнее состояние комы. Все тёмные стороны Петли прятались от широкого освещения; все же, на первый взгляд, её преимущества выпячивались наружу, подхваченные сотнями журналистов, купленных или искренне верящих в спасительную миссию Габриэля Гаэля. Чего стоили только города-хосписы для «обречённых». В народе их прозвали именно так. Здесь, в реальности, узнав свой смертельный диагноз, они получали шанс продлить своё существование в Петле столь долго, сколь велик был их банковский счёт. Это ли не победа над смертью?! Как и в былые времена, люди скидывались по центу, чтобы спасти таких же «обречённых», но не имеющих своих средств несчастных детей, даже не пытаясь понять главного. А главное было в том, что, пока Петля приносила немислимую прибыль, никто не вкладывал никаких усилий в то, чтобы излечить наконец первопричины всех тех недугов, которые не оставляли ребёнку шансов. Ведь можно было построить исследовательский центр в Петле для разработки вакцин и технологий, и в реальном времени эти медицинские технологии появились бы уже через тринадцать часов. Но странным образом никто не задавался такой целью, потому как подобная цель не принесла бы ничего, кроме убытков.

Гаэль понимал всё это ещё до того, как обнародовал своё дьявольское изобретение. От самого себя он никогда не прятал истинных чувств, которые обуревали его. Он видел себя новой инкарнацией вавилонского жреца культа Нергала, который когда-то, тысячелетия назад, сумел сотворить новое четырёхмерное пространство для нечеловеческой расы. Созданная Гаэлем лаборатория стала его Эрехом, но сам он мнил себя выше этого безымянного мага, поскольку для воплощения своего плана ему не потребовалась помощь ни демонов ада, ни Лилит. Он сделал это сам, в одиночку! Он так думал, потому что не помнил, как ночами сидел с открытыми глазами в своём кабинете в состоянии летаргии. Ему всегда казалось, что он работал и в очередной раз уснул за столом. Эээ! Нет. Если бы кто-нибудь мог видеть его в эти ночи, то воистину ужаснулся бы этой картиной. Габриэль походил на восковую фигуру, под бледной прозрачной поверхностью которой носились красные искры. Глаза его были черны и бездонны, а на лице блуждала сатанинская улыбка, словно от предвкушения близкого всепоглощающего его эго счастья. Вовсе не Петля была его основной целью. Пусть так думают те, кто ограничил свой ум пустыми мечтами о триумфе научной мысли. Он-то знал, что на самом деле стояло за формулами и чертежами, он знал, какие законы лежали в основе фантастических открытий. Он знал, чья воля образовала симбиоз с волей его собственной и управляла всей этой не подвластной одинокому уму махиной. Управляла, пока он позволял ей управлять, – так он решил для себя сам. Его интересовало другое. Его взгляд упирался в земные дали. Здесь, а не там, лежали его истинные намерения. И никто, как он думал, не догадывался о них, даже «тот», чьё присутствие внутри себя он ощущал. Объединить наконец человечество в единую однородную массу и стать хозяином и творцом ЭТОГО мира. Петля была сладкой конфетой, наркотиком, ради которого люди пойдут на всё, лишь бы не вернуться назад, в унылую пору банальных аналоговых предметов. Оставь он Петлю в руках военных – и не миновать было бы третьей мировой войны. Но передать её технологии в свободный доступ значило обречь свой план на крах ради слюнявой теории всеобщего благоденствия. «Фьюче Энерджи» была единственным вариантом. Кроме того, он был обязан своему старому другу из НАСА, упомянутому мной раньше; обязан больше, чем кто-либо мог себе представить. Этот человек был его биологическим отцом, о чём, правда, никто, кроме них двоих, не догадывался. Гаэль родился в Перу, в совершенно непригодных условиях для того, чтобы стать тем, кем от сейчас был. Это была нищая деревушка, единственной возможностью заработать в которой было то, что дети водили любопытных туристов по тропам, которые они никогда не увидели бы с официальной экскурсией. Мать родила его ещё будучи шестнадцатилетней девушкой, когда сама подрабатывала «чёрным гидом» на развалинах инкских сооружений. Прямо там, на жертвеннике, поросшем папоротником и плющом, она отдалась будущему отцу Гаэля, которого занесло сюда банальное любопытство. Мать больше никогда не встречалась с ним, да и вряд ли могла быть уверена в том, что именно этот заблудившийся турист есть отец её мальчика. Но отец всегда помнил о той встрече. Почему это было для него так важно – он не знал. Когда мать умерла (на тот момент Гаэлю исполнилось семь лет), в деревню приехали трое мужчин в чёрных костюмах и, ничего никому не объясняя, увезли ребёнка в неизвестном направлении. Габриэля поместили в лучшую закрытую правительственную школу, а отец время от времени навещался к нему, постепенно открывая завесу тайны, которая окутала его новую жизнь. Перед ним одним Гаэль странным образом ощущал некое подобие робости, причину которой не мог себе объяснить. Возможно, это напоминало ему о том, что он, как и все на этой планете, лишь далёкий потомок обезьяны, а его гениальность – только следствие воздействия на него странного предмета, который Гаэль держал в руках в детстве, когда отец взял его с собой на работу и дал поиграться с безделушкой, привезённой астронавтами «Артемиды» и год как пылившейся у него на рабочем столе. Это был идеально круглый, сантиметров пять в диаметре шарик, блестящий и всегда тёплый. Тогда Гаэлю показалось, что шарик этот начал делаться прозрачным в его руке и стал издавать негромкий шум, похожий на шёпот. Отец в это время отошёл к окну,

разговаривая по телефону, и не видел происходившего. Гаэль поднёс шарик к уху – и в ту же секунду его словно ударило током. Он потерял сознание, а когда очнулся, то ничего не стал рассказывать отцу о странном поведении предмета. Просто пожаловался на усталость и головную боль. Голова и правда болела потом несколько дней. Что-то внутри сдержало его сказать о блестящем шаре. Пусть это будет только его, Габриэля, тайна. У всех вокруг были тайны. Он тоже хотел иметь свою. С того же самого времени его гениальность начала проявляться во всём, чем бы он ни занялся. В футболе он был лучшим, в конных соревнованиях занимал только призовые места, экстерном сдал все предметы на два года вперёд. Поначалу он упивался этим, но вовремя сообразил, что необходимо сосредоточиться на чём-то одном, и желательно на том, что не вызывало бы на время вокруг его персоны такого ажиотажа. Он выбрал главным направлением кибернетику, похудел, одел очки, хотя прекрасно видел без них. Словом, сделал всё для того, чтобы до поры до времени оставаться в тени, углубляясь в науку до рубежей, за которыми уже кончались накопленные человечеством знания.

После смерти отца Гаэль всё реже возвращался памятью к событию с шариком. Да и вообще вздохнул облегчённо, ибо единственная нелепость, делавшая его робким, сама по себе отпала. Словно развязался последний узел, сковывавший его свободу. Гаэль ушёл из проекта Петли, оставив всё хозяйство на своего преемника, в чьей преданности ни секунды не сомневался. Он даже пожертвовал всё своё состояние на бесплатный детский реабилитационный лагерь в одной из лучших локаций Петли, и начал делать карьеру в Конфедерации, в которой уже состояло 217 государств. Деньги ему были теперь не нужны, поскольку он планировал владеть миром и имел для этого главный козырь – в одну секунду мог отключить все порталы, соединяющие планету с Петлёй. Кто бы мог подумать, что эта «красная кнопка» находится у него в голове. Поднимаясь по карьерной лестнице всё выше и выше, Габриэль достиг наконец того намеченного пункта, когда пришло время воспользоваться своим козырем.

21 марта 2041 года все порталы закрылись. Силовые поля продолжали удерживать их на месте, но ни войти, ни выйти было уже нельзя. К тому времени Гаэль работал помощником самого президента Конфедерации. Его уже почти никто не ассоциировал с Петлёй. Планета пришла в хаос. Участившиеся и без того массовые протесты стали походять на безумие. Словно наркоманы, которых лишили дозы, люди заполонили улицы всех больших городов. Их распалённые умы требовали от властей немедленных действий. Но что могли сделать власти? Они были такими же заложниками неизученных до конца технологий. Гаэль всё чаще появлялся на публике, от имени президента разговаривал с протестующими. Он ждал, когда именно на него, как на спасителя, устремятся взоры всего человечества. Годами сдерживая своё желание быть в центре внимания, он наконец мог упиваться публичностью. Старому президенту объявили импичмент и назначили новые выборы, на которые Гаэль баллотировался в качестве безальтернативного кандидата. Он обещал вернуть Петлю в исключительную собственность Конфедерации и расширить её благотворительные функции. Здесь он, конечно же, рисковал и вполне осознавал риски. Пару раз он даже сознательно подставился под пули, хотя служба безопасности предупреждала его о серии готовящихся покушений. Его гениальный ум ясно ухватывал каждую деталь происходящего вокруг, словно замедляя в нужный момент время. Гаэль даже мог рассчитать траекторию летевшей в него пули и успеть подставить под неё плечо вместо головы. Он читал мысли стрелявшего, чувствовал запах его подмышек за триста метров. Под этим соусом собственной безопасности он инициировал создание целой армии из синтов, которой надлежало его охранять. Он даже начал строить новую столицу в Альпах, где в безопасности, по его словам, должны были заседать все рабочие группы по выводу Конфедерации из кризиса. Люди верили каждому его слову, потому что знали, что ради них, простых людей, Гаэль когда-то пожертвовал всем своим состоянием и ради них же передал гражданским все технологии Петли. Это было его триумфом. Промежуточным, конечно, но всё же триумфом. Его планы простирались столь далеко, что ни одно живое сознание на земле не смогло бы их

правильно понять и осмыслить. «Красная кнопка» в его голове не спешила всё возвращать на место. Нужно было успокоить бунты, нужно было сплотить в нерушимый монолит всех людей вокруг самого себя, нужно было достроить новую цитадель его предстоящего могущества. И он ждал, испытывая лишь ему одному понятное наслаждение. И бесконечно обещал и обещал прильнувшим к экранам телевизоров миллиардам скорый прекрасный рай.

– Дорогие мои, – говорил он, – я знаю сколь глубоки ваши страхи и переживания за тех, кто остался по ту сторону реальности. Сегодня уже готовы списки всех, кто застрял в Петле. Мы просим Всевышнего, чтобы Он сохранил их до того дня, когда порталы откроются. Но не только молитвами заняты наши лучшие умы, те, кто без сна и отдыха восстанавливают механизмы порталов. Я скажу Вам... Один миллион триста пятьдесят тысяч шестьсот восемьдесят шесть человек заперты сейчас в Петле. Имя каждого мы знаем. И каждый из них будет возвращён в семью. Максимум, что нам сейчас нужно, это ваше терпение и месяц времени. Я сам лично контролирую эту работу и потому являюсь гарантом её успеха. Я лично несу все издержки и ответственность за то, чтобы всё у нас с вами получилось. Ваша задача сейчас – постараться сохранить себя и друг друга, чтобы ваши сёстры, братья, дочери, сыновья и друзья, вернувшись домой, застали вас в ясном уме и добром здравии. Вот о чём я более всего прошу вас – защищайте друг друга, делайте жизнь вокруг себя лучше. Перестаньте бессмысленные бунты – они никак не помогут в решении проблем. Хватит разрушений – пора начинать строить! Хватит слёз и отчаяния – пора извлечь правильные уроки из нашей общей ошибки и начать движение к свету!

В этот момент к Гаэлю подлетела бабочка с мерцающими на солнце тёмно-синими крыльями. Это умилило взволнованную толпу и придало словам его почти символический смысл. Гаэль чуть заметно улыбнулся, посмотрел куда-то в гущу людей и показал в этом направлении пальцем. Вряд ли кто понял этот его жест. И вряд ли кто догадывался о том, как слова «свет» и «Всевышний» коробили тёмные покровы его души.

5

Выйдя из душа, Ника высушила волосы феном – длинные, русые, с редкими мягкими локонами – и прошла в комнату, чтобы одеться. Но, проходя мимо зеркала, служившего в нужный момент плюсовым порталом, она остановилась. Было раннее утро, луна заходила на западе и глядела в чуть приоткрытое окно. Здесь, в Петле, луна была раз в двадцать больше в диаметре, так что можно было при желании рассмотреть все её кратеры. Её бледно-жёлтый свет врвался в комнату сказочной позолотой и делал все предметы особенно наполненными жизнью. И сама себе в отражении Ника показалась существом волшебным, с рассыпанными по плечам волосами, с тонкой талией и эльфийской грацией в лёгкой поступи стройных ног. Эта сказка, на секунду овладевшая ей, напомнила одну ночь в деревне у бабушки. Это было в далёкой России, в январе, в святки. На улице пятый день стояли трескучие морозы, заняться особо было нечем (у бабушки сломался телевизор, а в такую непогоду даже сотовая связь перестала работать). Вот бабушка и предложила Нике погадать на суженого. Девочке тогда исполнилось только шесть, но суженый её очень заинтересовал. Русский язык она знала не очень хорошо, поэтому само слово ассоциировалось у Ники и с человеком, которого зачем-то сузили, и с тем, кто прямо с ужина должен выйти к ним из зеркала. К этому примешивалась ещё и "стужа", о которой все вокруг постоянно твердили. Когда бабушка объяснила, что суженый это жених, то Ника твёрдо решила, что вот как только тот покажется в зеркале, так сразу же она его пошлёт к "чёрту на кулички". Больно вот он ей нужен, суженный со всех сторон да ещё и обжора.

Как только стемнело, они с бабушкой пошли в баню. До этого баню хорошо протопили, повсюду стоял горячий духмяный запах; стены снаружи пугающе трещали, придавая атмосфере с зеркалом и свечами дополнительную тревожность. Ника разделась и села перед небольшим круглым зеркалом. Под ложечкой засосало. Она испуганно посмотрела на бабушку. Но та стояла рядом спокойная, слегка улыбаясь и поглаживая Нику по плечу. «Суженый, ряженный, приходи ко мне ужинать». Ника повторила это несколько раз, изо всех сил напрягая своё внимание. Свеча вздрогнула, словно кто-то невидимый дунул на неё, и погасла...

Воспоминания, вероломно ворвавшиеся из прошлого, обдали тело будто бы холодком той зимы. Бабушка умерла на следующий год после странного гадания в бане, и с тех пор Ника о ней ни разу не вспоминала. Даже забыла как называлась та российская деревня. Что-то от слова «дуло»... То ли Дулово, то ли Дулино... А может не от «дула», а от «дули»? Вместо свечи теперь горела луна, а зеркало и впрямь было самым что ни на есть порталом. И ведь оттуда действительно мог выйти сейчас кто-то...

– Суженый, ряженный, приходи ко мне ужинать, – чуть слышно прошептала Ника, словно боясь, что её кто-то услышит и сочтёт сумасшедшей. Странно, что так легко ей удалось вспомнить это заклинание и произнести почти без заминки.

Постояла ещё минуту, с гордой осанкой, распустив волосы по нежным изгибам груди, завлекая из зазеркалья свою судьбу. Расфокусировала глаза, так что зеркало превратилось в туманное пятно; представила бескрайнюю снежную равнину, и по тропе навстречу ей шёл мужчина в пушистой меховой шапке. На усах и бороде его намёрзли сосульки, метель то заволакивала его фигуру, то снова приоткрывала. Колкие снежинки уже щипали Нике кожу, мужчина всё ближе и ближе. Он не смотрит на Нику, не поднимает глаз, словно намеревается пройти сквозь неё...

«Дуляево», – вспомнила Ника название бабушкиной деревни.

Она усмехнулась и этой своей фантазии и названию деревни. Втиснула большой палец правой руки между средним и указательным и показала зеркалу дулю...

Тем временем Калёб, выйдя из своей камеры на поднявшийся вокруг шум, обнаружил, что все бегут из здания во двор. Громкоговоритель зловеще молчал, хотя картина походила на бунт. Пытаясь прокрутить в голове все возможные варианты происходящего, Калёб не смог придумать ничего вразумительного, и потому оставалось сделать лишь одно – вместе со всеми двигаться прочь из здания.

– Давай, парень давай, – хлопнул его по плечу пробежавший мимо Буру. Это был здоровенный детина, попавший сюда прямо с конопляных плантаций. Дикой даггой называли на его земле коноплю, а имя его переводилось как Бык.

Калёб последовал за ним.

Всё на той же спортивной площадке, где вчера Лимбо превратился в огромного слизня, собралась толпа. Но даже на поверхностный взгляд было видно, что людей меньше, чем сорок два.

– Все здесь? – хриплым зычным голосом спросил Джеро. Он был здесь кем-то вроде главного среди эков. А прозвище придумал ему Буру, сказав, что в переводе это «жестокий». Джеро понравилось.

– Кажись все.

– Короче, – продолжил Джеро, – у нас с вами, похоже, случилась жопа.

В толпе раздался гул. Мужчина знаком руки попросил тишины.

– Я в камере живу не один, как вы знаете. Сегодня кореш мой должен был откинуться... это... полчаса назад. Так, Филипп?

– Так, – подтвердил щуплого вида мужичок, представлявший из себя ходячую галерею татуировок.

– Но что-то пошло не так. Мы хотели выяснить у «синих», но тех и след простыл. Нет никого. А потом... Расскажешь, Буру?

– Да, – подхватил тот. – Знаете, я всех раньше выхожу во двор, ещё до завтрака, пока все блины на штанге свободны. Так вот... Иду я, значит, по коридору мимо будки охранников и слышу там возню. Как будто дрались там или мышь ловили... Ха... Да откуда здесь мыши... Я, значит, так осторожно подкрадываюсь, чтобы в окошко к ним заглянуть. И смотрю. Там их двое было, и такое чувство, что они бегали от третьего. Но третий был словно бы невидимый. Вот они смотрят с перекошенными лицами в пустоту и мечутся по комнате, пытаюсь подобраться поближе к двери. А тот, третий, невидимый типа, словно им не даёт этого сделать. Одному из «синих» показалось, – это я так думаю – что проход на секунду освободился, и он туда ломанулся. И вот... Исчез. Ну то есть пропал вообще, как если бы его и не было в будке до этого. Второй съёжился весь и замер от страха. Вот я не думал, что синты могут бояться. Но натурально, прям передёрнуло его от страха. Да я сам-то чуть было не обосрался. Короче, секунд через пять исчез и этот второй. Точно так же, как будто и не было никогда. Я так думаю, что и третий, если он был с ними, тоже туда же. Ну я не знаю куда. Джеро вам скажет.

– В общем, – снова заговорил Джеро, – разные люди здесь побывали, многие из них знали, что да как устроено с этой Петлёй. Вывод здесь только один: там, по другую сторону, что-то случилось. Портал на выход не работает. Возможно, на вход тоже. Защитный контур, который не давал «блуждающим» проникнуть на территорию, тоже приказал долго жить. Это я точно вам говорю. Эти блуждающие порталы и проглотили «синих». Следовательно, они могут быть где-то рядом. Посмотрите, сколько нас здесь осталось. Сколько, Филипп?

– Тридцать шесть.

– Тридцать шесть. Это, значит, шестерых уже нет. И это только за утро. Я не знаю, что грозит нам, окажись мы сожранными порталом, но точно знаю, что там, за этими стенами, нас ждёт хоть какая-то да свобода. Мне ещё больше тысячи циклов протирать нары. И уже тысячу я здесь. И лично я этот шанс не упущу. Возможно, на той стороне уже вовсю чинят поломку, поэтому времени у нас мало на то, чтобы выйти отсюда. И это не наша вина. Мы спасаем свои жизни. Правда на нашей стороне.

После такого спича все, словно единый организм, ринулись к складу с тяжёлой техникой. Буру самым большим блином с одного удара сорвал с ангара замок. Внутри оказался знакомый уже подъёмник с двумя острыми стальными рогами и экскаватор. Посередине склада в полу была ещё одна дверь. Она-то, видимо, и скрипела, когда прятали «тело» Лимбо. Но на эту дверь времени уже не было, все спешили, да к тому же и никакого видимого замка дверь не имела.

Под одобрительное улюлюканье дело пошло быстро. По всему периметру тюремной территории возвышался семиметровый забор, сверху ещё сдобренный мотками колючей проволоки. Сама тюрьма была всего в два этажа, так что рассмотреть толком что там, за забором, никто не мог. С крыши можно было увидеть только далёкие горы, покрытые густым лесом. Пробивать решили западную стену. Может, луна, повисшая над западным горизонтом, бессознательно сыграла роль путеводной звезды. Работа заняла минут сорок. Стена оказалась толщиной метра полтора. Напихав в мешки воды и пищи из столовой, люди стали выползать, один за другим, на свободу. Буру пришлось труднее всего, не позволяла комплекция. Но всё же и он вылез, виновато улыбнулся, повернувшись в сторону оставшихся за забором и... исчез...

Все, не сговариваясь, перекрестились и вопросительно переглянулись друг с другом. Была очередь Филиппа на выход. Но он медлил, даже боясь прикоснуться к стене.

– А что если к вечеру починят поломку? – оглянувшись на Калеба, спросил он с детской наивностью и с таким же, неожиданным для татуированного рецидивиста, растерянным взгля-

дом. Если бы поломку починили, то он оказался бы на настоящей свободе. Замешательство его всем было понятно.

– Это маловероятно, – сказал ему Калёб.

– Да, – пытаясь убедить себя, повторил он и сделал шаг в проём.

И тоже исчез...

Их осталось шестеро. Калёб был следующим. Уже всем было очевидно, что блуждающий портал решил поиграться с их нервами, примостившись у проёма в стене. Словно он был разумен и к тому же шутник. Но Калёбу было, в принципе, всё равно где теперь оказаться. Если не в Лейктауне, не на тринадцатом этаже в комнате с Ли, то какая разница. В любом случае, бегай не бегай, а обнуление через тринадцать часов произойдёт в районе того портала, который был последним при переходе. Здесь все знали даже о таких мелочах. Перспектива снова обнулиться в своей камере вряд ли кого устраивала. Но помнил ли сейчас об этом кто-то, кроме Калёба? Не факт. Калёб даже не взял с собой ни еды, ни воды, посчитав это глупостью. Решительно шагнув вперёд, он оказался за стеной. Оглянулся. К дыре прильнуло пять пар глаз.

Все выдохнули с облегчением и, расталкивая друг друга, засуетились. Как оказалось, вся территория тюрьмы стояла на холме, довольно высоком, потому с крыши и не было видно ничего, кроме далёких гор. Западная сторона холма покатым травянистым склоном упиралась в обочину асфальтированной дороги. Видно было небольшую её часть; остальное поворачивало и терялось за елями. Всем понравилось именно это направление, наверное, из-за того, что по ровной дороге идти было бы легче. Калёб не спешил с выбором. Он спокойно наблюдал за устремившимися вниз людьми, замечая, как повсюду в небе летают шары и вспыхивают непонятные розовые обручи, издавая при этом треск. Наконец он принял решение – оказаться подальше от своих бывших спутников. Не то чтобы он как-то недолюбливал их или опасался. Просто страстно захотелось одиночества, чтобы никто не чавкал, не охал и не ахал... Чтобы не исчезал у него на глазах и не задавал глупых вопросов, на которые не существовало ответов. Попрошавшись про себя и пожелав им удачи, он двинулся на северо-запад. Ну, как двинулся... Сделал один шаг – и очутился в незнакомой комнате. Напротив него стояла обнажённая девушка и показывала ему фигу...

6

Экклезиаст утверждал: что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Но вот согласно Закону Старджона, ничто не может быть всё время абсолютно таким же. И вот поди разберись, кто из них прав.

Ли сидела на краю кровати и смотрела на спящего Калёба. Впервые за последние годы она была удовлетворена полностью. Как телесно, так и душевно. Однако, вглядываясь в лицо Калёба, она поймала себя на мысли, что видит его чужим. Оно показалось ей грубым. Этот греческий профиль с носом, продолжающим линию лба и с относительно тяжёлым волевым подбородком. Всё это могло бы восхитить древнего эллина, но ей виделось слишком скульптурным, не предназначенным для живого. Мраморный Давид на площади Синьории, наверно, ещё восхищал флорентийцев и в шестнадцатом веке. Но неужели вкусы не поменялись за пять веков? Впрочем, вся эта её пристрастность могла быть следствием того, что она сама была большей частью уже не настоящей. Ей хотелось неправильности, асимметрии, наконец, какой-нибудь бородавки на самом заметном месте. Сейчас она вполне понимала тех синтогонителей, которые добились того, чтобы их «человечность» убавили до уровня 60. Люди не хотели отдавать им свои неровности, свои родинки в потаённых местах, свои слабые звенья, укрытые показной силой. Она переставала быть человеком. Она это чувствовала. Каждый день она замечала какие-то маленькие молекулярные сдвиги в своём организме; её живой прежде ум превращался в машинный код, выстраивающий бесконечные строки из букв и цифр. «Hello world» –

это было заманчивое начало. Но теперь игра кончилась. Цифры стали вторгаться в неположенную для них область, в область её чувств. Неужели и Кaleb был просто частью этого кода? 1111000111001101... Строчка в шестнадцать бит.

Она испугалась, что этот ставший вдруг чужим мужчина проснётся и увидит её холодный оценивающий взгляд. Отвела глаза, тихонечко встала с кровати и подошла к окну, за которым кипела обычная ночная жизнь. Хотя городок был и маленький, но в этой своей части он не засыпал ни на минуту. Сновали туда-сюда машины; люди, подсвеченные фонарями, бродили по тротуарам. Всё выглядело красивым, бессмысленным и бесцельным. Ли достала из пачки сигарету и хотела было закурить, но пламя зажигалки застыло в сантиметре от цели. Ей не хотелось курить. Она сунула сигарету обратно, потом помедлила секунду и уверенно смяла всю пачку. Внезапно заболела голова и зазвенело в ушах. Ли всё также крадучись проследовала в ванную, открыла кран с холодной водой и подставила под него лицо. Боль не утихла, а звон и вовсе оказался самым настоящим. Словно зазвонил телефон у неё в голове. Всё чётче осознавая реальность происходящего, Ли вцепилась пальцами в умывальник и с ужасом стала вглядываться в собственное отражение в зеркале. Да она же и сама себе стала чужой! Будто бы собранное из разных, несостыкующихся друг с другом деталей, лицо её являло собой воплощение чистой эклектики. На голубую строму накладывается липофусцин. При электрическом освещении зелёный цвет глаз делался изумрудным. Глаза, хоть слегка и раскосые, были довольно большими, на их фоне терялся маленький нос, а милая ямка на подбородке – словно след от утягивающей нити, которая где-то там, внутри, обратным концом была привязана к переносице. «Нет уж, – подумала Ли, – иметь греческий профиль было бы куда лучше». В голове не переставало звенеть. Вернее, уже не звенеть, а звонить. Именно так. Не хватало только «Лунной сонаты».

– Слушаю, – неожиданно для самой себя вслух прошептала Ли.

Звон прекратился. Ли ещё больше насторожилась.

– Ли, – послышалось в её голове так явственно, словно это говорили с другой стороны зеркала. – Не бойся. Не подумай, что ты сошла с ума. Пришло время всё тебе объяснить.

– Кто ты? – разговаривая с собственным отражением, всё так же тихо спросила девушка.

– Я тот, кто спас тебя на Луне. Моё имя Сиит.

– Если я действительно не сошла с ума и ты существуешь, то ты должен знать, что я не считаю себя спасённой. Это больше похоже на наказание.

– Я понимаю твои чувства, – спокойно продолжал голос. – Часто трудные миссии выглядят именно так.

– Миссии?!

– Именно так, – повторил голос.

– Ясно. Посттравматический синдром, мания величия. Потом дистимия, агорафобия и шизофрения. Не думаю, что ты меня убедил в обратном.

– Через минуту твоя глубинная память проснётся. Ты успокоишься. Всё встанет на свои места. Я говорю с тобой, чтобы предупредить: всё то, что ты вспомнишь, есть истинная реальность. Боль пройдёт, останется только свет.

– Свет... – зачем-то повторила Ли. И от этого слова ей действительно сделалось так легко, как не было никогда в жизни. Она стала будто руслом реки, по которому потекли сияющие воды восторга. Со скоростью света её жизнь стала прокручиваться назад, но при этом Ли успевала прочувствовать каждое из её мгновений. Всплыло лицо мамы, которого она и не помнила никогда раньше. Так живо, так трогательно. Мама улыбалась, а потом целовала её в лицо. И Ли превращалась в газанию, в огромный тёмно-рыжий цветок, и радовалась, как и он, солнцу. Солнце становилось всё больше и больше, пока Ли не начала различать даже его протуберанцы. Они не жгли её. Напротив, они ласкали и щекотали. И из газании она уже вылетала колибри. Жёлто-сине-зелёная, с тёмным брюшком и розовым хвостом. С её клюва капал сладкий нек-

тар, который подхватывали золотистые пчёлы. А она устремлялась дальше, в холодный космос, который тоже не казался теперь холодным. Он был населён мириадами тёплых живых существ. Все они приветствовали её, вспыхивали всеми цветами радуги, рассыпали у неё на пути звёздные конфетти. Раздались звуки божественного оркестра, шум водопадов, омывающих живою водой каждый закоулок вселенной. Потом всё вокруг закружилось спиралью, образовав в центре манящую белую точку. Эта точка стала её целью. Колибри уже сама превратилась в поток света и должна была слиться воедино с этою белизной, отдать ей все остатки нектара. От скорости перехватило дух, и её сознание не справилось и отключилось...

Очнувшись на мягком коврике, постеленном на кафельном полу ванной, Ли ничему не удивилась. Она вспомнила всё. ВСЁ! И это не сумасшествие. Даже не пришлось искать никаких аргументов, чтобы убеждать себя в этом. Просто ничего более очевидного, чем само осознание, не существовало в природе человеческого ума. Пустоты больше не было. Была безукоризненная наполненность. И внутри и снаружи. Всё имело свой смысл, всё имело свою цену и своё настоящее место. Лёгким уверенным шагом она прошла в комнату, где в постели оставался лежать Кaleb. Он спал всё тем же безмятежным сном, ничего не подозревая о случившихся переменах. Нежные чувства к нему снова вернулись к Ли. Только они стали глубже, насыщеннее, не так, как это бывает между женщиной и мужчиной при обычных обстоятельствах. Наверное, те же эллины называли бы это агапе. Да, эллины понимали куда больше нашего.

Ли склонилась над Калелем, нежно поцеловала его в лоб и провела ладонью по небритой щеке. Он улыбнулся во сне. Ли улыбнулась ему в ответ.

– Прости, Кaleb, – прошептала она и снова поцеловала его, уже в губы.

Затем она встала с кровати, переоделась в свою обычную выходную одежду, взяла сумочку и вышла из номера. Спустившись из отеля на улицу, она пробежала несколько переулков и открыла дверь маленького интернет-кафе со странным для такого заведения названием «Мериме». Там выбрала себе свободный столик, заказала лёгкий салат и включила компьютер. Выйдя на сайт полицейского участка Лейктауна, она сделала официальное заявление о том, что некто Кaleb Эдвардс совершил преступление, вступив в близкий контакт с синтом по имени Юйлань Ли. Потом она скачала видео со своего телефона, записанное этой ночью в номере на тринадцатом этаже, и приложила его в качестве доказательства к заявлению. Спокойно доев салат и вытерев салфеткой губы, Ли нажала кнопку «отправить», оставила телефон на столике, вынув из него симку, и через минуту покинула кафе, двинувшись в направлении Полярной звезды.

7

Кaleb побледнел от неожиданного поворота событий. Потом покраснел от смущения. И снова побледнел, не находя своему появлению здесь никаких вразумительных объяснений, если бы таковых, как ему думалось, потребовала девушка.

Ника тоже зарделась румянцем и спрятала за спиной фигу. Потом резко отвернулась, глядя на незнакомца через плечо. Заметив, что взгляд мужчины опускается всё ниже и ниже, она наконец опомнилась, схватила с тумбочки одежду и скрылась за дверью в ванной.

Вся эта бессловесная игра любопытства и смущения заняла считанные секунды. Но Калебу его новое положение понравилось куда больше того, которое осталось там, за порталом. Он сделал шаг вперёд и оглянулся. Увидел в зеркале своё отражение и подумал, что будет, если Филипп или Буру войдут в эту комнату вслед за ним? С Буру он, пожалуй, не справится, если того станут обуревать страсти, а вот Филиппа он наверняка усмирит без проблем. Впрочем, Буру ведь исчез в другом портале. Да и Филипп тоже. А оставшиеся ушли вниз по дороге. Вряд ли минусовой портал отправился им вдогонку. Что ей сказать? Да и надо ли вообще что-

то говорить? Вон дверь. Просто выйти из номера, судя по обстановке, гостиничного. Зачем ему вообще объясняться перед этой незнакомкой? Перед глазами проплыла картина Крамского – женщина горделиво и осуждающе смотрела из брички на Калеба. Что-то не давало сдвинуться ему с места. Внизу живота заныло, будто вот-вот должно случиться что-то неизбежное и в то же время заманчивое. Так бывало у него лет в десять или одиннадцать. Да и картина та называлась вовсе не так. «Неизвестная» – вот настоящее её название. А «незнакомкой» она стала по вине Блока, которого одолевали призрачные фантазии, навеянные тёмными инспирациями луны. Просто взять и выйти. Но что вообще за мысли такие странные? Откуда взялся Крамской? Он видел его знаменитую работу, может, лишь раз в жизни. Но так ясно она всплыла в памяти. И чувства странным образом обострились. Влияние перехода через портал? Да, да... Наверняка это оно.

Наверное, долго ещё простоял бы в таком состоянии Кaleb, если бы дверь в номер внезапно не отворилась и на пороге не появилась Рут.

– Оу, – не ожидая увидеть в комнате подруги парня, воскликнула Рут.

Она оценила его быстро, можно сказать, молниеносно, как случается это у женщин с чрезмерно развитой интуицией. Улыбка, едва промелькнувшая на её губах, обнадеживала – Кaleb ей понравился.

– Здравсьте, – чуть кивнув, сказала она.

– Здравсьте, – не придумав ничего другого, ответил Кaleb.

– Здравсьте, – подытожила Ника, в это время вышедшая из ванной. Она была уже в топе и шортах.

– Я так понимаю, – быстро заговорила Рут, обращаясь к Калебу, – вы вывалились из портала?

Вот ведь. Он так упорно искал слова объяснений, а и надо-то было всего лишь сказать: «простите, что так бесцеремонно вываливаюсь к вам из портала; если позволите мне пройти, я более вас не задержу».

– Да, – подтвердил он. – И на всякий случай, меня зовут Кaleb.

– А я Рут, – девушка сделала несколько шагов навстречу и протянула мужчине руку.

Кaleb несильно пожал мягкую, узкую ладонь девушки. Она оказалось сухой и прохладной, несмотря на начинавшуюся летнюю духоту. Ли была последней женщиной, до которой он дотрагивался, потому это прикосновение Кaleb как-то особо для себя выделил.

– А это Ника, – склонив голову набок и указывая в сторону подруги ладонью, закончила маленькое представление Рут. – Очень приятно, Кaleb. Я вижу, Ника ещё не в курсе того, что тут теперь творится.

Ника пожала плечами, вопросительно глядя то на Калеба, то на Рут.

– Если вы готовы, то нам нужно идти. Там, у главного портала на выходе, столпился народ. Там такииие интересные вещи рассказывают. Короче... Всё поломалось к чёртовой матери. Мы теперь заложники в этом отеле. Йееес! – Рут радостно вздёрнула руки вверх.

Потом ещё раз внимательно осмотрела Калеба и добавила:

– А вы что, тюремщик? Я видела по телику, они все в такой одежде.

Калебу стало неловко, хотя отчего бы это. Не хватало ещё отчитываться сейчас перед какой-то девчонкой. Но всё же он решил соврать, сам не зная зачем:

– Я... Электрик.

«Едрить-колотить. Чего ляпнул? Какой электрик». Электричество, благодаря всё тем же порталам, в Петле передавалось без проводов, через минипорталы. Электрики, какими он помнил их раньше, давно канули в лету.

– Ага, – иронично проронила Рут. – И вы наверняка пришли починить розетку...

Ей и самой стало неудобно от своего вопроса, поэтому она поспешила замять бессмысленный диалог:

– Пошли давай скорей, – схватив Нику за локоть, поторопила она. На секунду задержалась в дверном проёме, оглянулась на нового знакомого. – Вы с нами, Кaleb?

– Да пошли уже, – одёрнула её Ника. И они убежали, оставив Калеба в одиночестве.

Побродив по коридору в поисках лифта, Кaleb наконец вышел из здания отеля. Это было довольно высокое строение, этажей этак в шестнадцать, загнутое по бокам под небольшим углом. Посередине образовавшегося таким образом пространства расположились аккуратной линией персиковые пальмы, а дальше к центру – бассейн, буквально облепленный со всех сторон пустыми шезлонгами; между пальмами и бассейном – автоматы с мороженым и газировкой. Боже! Как бы сейчас не помешало разбежаться и плюхнуться в эту прохладу! Да никто бы даже не обратил внимания на сумасшедшего в тюремной робе, потому что все вокруг возбуждённо суетились и не обращали друг на друга внимания. Только одна женщина двигалась навстречу всеобщему течению, таща за руку плачущего ребёнка, видимо, не желавшего уходить от воды; остальные, кто шагом, кто трусцой, шли вдоль бассейна, скрываясь за правым крылом здания, где, судя по всему, и находился главный портал, о котором говорила Рут. В целом Кaleb уже знал всё необходимое о случившемся. Его больше интересовала локация, в которой он оказался. Персиковые пальмы он раньше встречал во время военной практики. Это было в Колумбии. Говорили, что такие пальмы можно найти, помимо Южной Америки, только в Индии или на Филиппинах. Для Индии климат был слишком мягким... Впрочем, это же не совсем настоящий мир. Что толку гадать. Но всё же для себя Кaleb решил, что отель этот находится на южноамериканском континенте. Судя по отсутствию розовых обручей в небе и исчезающих на глазах людей, блуждающие порталы здесь либо совсем не водились – тогда надо выяснить почему! – либо, что вероятнее, комплекс построили в более зачищенном для гостей месте, нежели тюрьму. Во втором случае следовало проявить осторожность, потому что какой-нибудь из порталов рано или поздно всё равно навестит и эту область.

Кaleb не спеша проследовал до места, где собралась толпа. Человек сто там точно можно было бы насчитать. Его глаза изучали каждого из них, пытаясь выцепить, нет ли среди испуганных и любопытных человека в такой же одежде, как он. Вроде нет, если тот не успел переодеться. Где-то в душе это место Кaleb считал уже своим, и ни с кем из бывших приятелей делить его не хотелось. Но, пробираясь между суесящимися, мокрыми от пота телами, он наткнулся на своих новых знакомых. Рут его тоже заметила и тайком от Ники помахала ему ладошкой. Кaleb кивнул ей в ответ и изобразил нечто вроде улыбки. Рут стала что-то оживлённо шептать Нике на ухо. Та чуть обернулась в сторону Калеба, сверкнула на него глазами и, прикрыв губы пальцами, таким же шепотом ответила Рут. Её подруга брызнула задорным смехом, на который обернулся толстый мужчина лет пятидесяти и осуждающе посмотрел на не к месту весёлых дам. Между тем всё внимание толпы было приковано к голосу женщины, которая вещала о случившемся где-то на одном из туристических маршрутов, бывших в ведомстве этого оператора. Женщиной оказалась уже известная нам мисс Готи, планы которой на сегодняшнее путешествие с группой в Луксор были бесцеремонно сорваны каким-то «недоумком на той стороне».

– Мы связались с другими операторами, – говорила мисс Готи. – Положение таково: порталы на вход сюда с земли и на выход отсюда на землю не работают. Надеюсь, поломку устранят в ближайшее время...

«Не дай Бог, – подумал Кaleb. – Объявят охоту на беглецов. Придётся прятаться по хрен знает каким задворкам Петли. А потом ещё дополнительно впаяют циклов шестьсот.»

– Но... – в своей обычной манере мисс Готи подняла указательный палец вверх. – Порталы внутри Петли в рабочем состоянии. Кроме, может быть, одного... Возможно, и не одного. Наверняка в данный момент неизвестно.

– Пусть возмещают за неудобства, – выкрикнул уже знакомый толстяк. – И хватит занимать наше время. Давай по существу. Это нам чем-то грозит? Или всё продолжится по прежней программе, за которую мы заплатили немалые деньги?

– Боюсь, – продолжила мисс Готи, переключив громкость своего голоса на второй уровень, – что программы временно будут остановлены. И не сомневаюсь, что «Фьюче Энерджи» или кто там ещё из кураторов возместят всё вам в надлежащем размере. Я в таком же положении, как и вы. Вот, людям сегодня было пора возвращаться на землю, а теперь они застряли здесь на неопределённое время.

– Да мы и не против, – вырвалось из толпы. – Не возьмут же с нас денег за лишние дни? Раздался дружный смех нескольких человек.

– Так это... – сбилась с мысли мисс Готи. – А... Я о том портале, на который упал прогулочный самолёт. Тихо, тихо... Да, самолёт. Причём адрес приписки этого самолёта совершенно в другой локации. К сожалению, погибли люди. Ну... Завтра они обнулятся, конечно, в районе своего нового плюса. Но... Если это произойдёт на высоте в пару сотен метров... Я к тому, что упавшим самолётом разрушило силовое поле, которое удерживало сотни две минусовых порталов. Все эти порталы разлетелись какой куда. Чёрт их теперь разберёт. Все они стали блуждающими. Но это всё случилось в районе Фудзиямы. Теперь там застряла одна немецкая группа. Вот кому можно посочувствовать. Если доберутся до вершины, то там есть синтоистский храм, почтовое отделение и эта... метеостанция. На почте, само собой, ни души, как и на станции. Но в храме ещё есть люди. Надеюсь, они помогут немцам хотя бы молитвой. То есть, что хочу я сказать... Будьте бдительны. Блуждающие порталы теперь легко могут проникать на территорию отеля, поскольку и сдерживающие их поля тоже накрылись. Местность эту довольно хорошо зачищают патрули, но сейчас у них работы будет непочатый край, да и не думаю, что на все порталы хватит ловушек. Не дай Бог, конечно.

«Вот же встряли немцы, – подумал Калёб. – У нас в тюрьме хотя бы еды было навалом. За тринадцать часов с голода, конечно, не умрёшь, но приятного всё равно мало, если на протяжении сотни циклов глотать одни слюни. А порталчик-то с Фудзи, судя по всему, и привёл меня сюда. И что удивляться скорости, с которой он оказался за тысячу километров от Японии? Он же продукт четырёхмерного мира. Ему наша геометрия как слону дробина».

Картина масштабов случившегося почти полностью прояснилась. Неизвестными оставались две вещи: сколь долго это продлится и куда вообще двигаться дальше. В идеале Калёбу хотелось бы вернуться, конечно, в Лейктаун, хотя бы и виртуальный, если Петля его воспроизвела. Но это вряд ли. Что делать туристам в Лейктауне? Никто бы и не посмотрел в эту сторону на карте туристических маршрутов. А если не в Лейктаун, то куда? И зачем? Под словом Лейктаун Калёб, конечно же, подразумевал имя Ли. Если её арестовали, то наверняка перепрошили, как это всегда делалось с нарушившими закон синтами. В тюрьмы их не сажали. А если так, то она уже и не вспомнит никакого Калёба. «Здравствуйте, – скажет, – чем я могу Вам помочь...». Сердце ёкнуло от такой мысли.

Люди стали расходиться, шумя и чертыхаясь на услышанное от мисс Готи. Калёб продолжал стоять в задумчивости на месте. Когда толпа изрядно поредела, он заметил, что на месте остались стоять и Рут с Никой. Они внимательно рассматривали его.

– Вы странный, – протяжно проговорила Рут. – Вы с нами или так, сами по себе?

Калёб сделал какой-то уклончивый знак всем своим телом, из которого девушкам стало понятно, что он ещё не определился. Они молча двинулись в сторону отеля, изредка оглядываясь на него и тыча пальцами друг другу в бока. Ника старалась идти нарочито грациозно. В светло-зелёном топе, едва прикрывавшем её грудь, и коротких, такого-же цвета, обтягивающих шортах. Она то и дело забирала распущенные волосы в ладонь и роняла их на слегка тронутую загаром спину. Калёб не мог ею не залюбоваться. Ничего прекраснее, если не считать Ли, он ещё никогда не видел. Он вспомнил рассказы Буру. Тот по молодости ещё был

вполне законопослушным гражданином, из довольно обеспеченной семьи. Это потом, вдрызг разругавшись с отцом, он сбежал из-под его опеки и оказался на плантации. А до этого ему даже посчастливилось побывать в Петле в роли туриста. Такие родительские подарки стали обычны, когда детям исполнялось восемнадцать. Так вот он рассказывал, какие странные картины приходилось видеть ему в здании главного входного портала. Дело в том, что в какой одежде человек заходил в плюс, в такой же он каждые тринадцать часов и обнулялся каждое утро. В номерах отеля обычно эти обнуления заставляли «проснувшегося» в постели. Поэтому туристы старались выбирать себе оптимальные утренние наряды. Кто-то был в купальнике, кто-то (исключительно мужчины) в трусах, а кто-то – для них был выделен отдельный проход – просто голышом. Как правило, эти коридоры предпочитали молодые пары, пожелавшие провести медовый месяц в Петле. Наверное, им не хотелось тратить лишнее время по утрам на раздевание... К чему же он об этом вдруг вспомнил? Мысль просто не успевала озвучить его бессознательные мотивы. Если он не станет сегодня жертвой блуждающего портала, то вполне себе, и даже наверняка, завтрашним утром окажется в одной постели с Никой...

8

Сонам стоял у самого входа в Дрепунг и заворуженно смотрел на Кайлас, северная сторона которого отсюда была видна. Могло показаться, что он ждал кого-то с той стороны либо мысленно взывал, чтобы этот кто-то услышал его внутренний голос. В конце концов, молитвенно сложив руки, он слегка поклонился и неспешным шагом направился в здание монастыря, минуя узкие переулки и чувствуя, как свежий вечерний ветер кусает его за щиколотки. Для Сонама всё вокруг было усеяно знаками. И в этом он тоже увидел просьбу поторопиться к одинокой вечерней молитве. Изредка навстречу ему попадались монахи, приветствующие поклоном. Он был для них большим авторитетом, а в университете, вновь возродившемся в полную силу десять лет назад, послушники-студенты просто боготворили Сонама. Впрочем, десятилетнее благоденствие, дарованное Китаем Лхасе, судя по всему, подходило к концу, потому как Конфедерация имела на Дрепунг какие-то свои, непонятные для непосвящённых, планы. Но Сонам был в курсе всего, и тревога не покидала его сердце. Помимо монахов, на улицах он всё чаще замечал людей, маскирующихся под любопытных туристов. За долгие годы, проведённые в монастырских стенах, можно было легко научиться отличать эти подделки. Вот и сейчас по пути к храму он наткнулся на такую. Неприятные у них лица, безжизненные, как инородные тела в атмосфере, призванной источать любовь.

Длинная узкая комната, устланная ковром и по сторонам заставленная буддийскими атрибутами, заканчивалась статуей сидящего Будды. Повсюду горели свечи и лампы, запах благовоний умиротворял и обнажал душу. Сонам сел напротив Будды и стал медитировать. Медитация была его сегодняшним подношением и предназначалась Майтрейе. Так, бесшумно, он просидел около получаса, наполняя комнату светом своей любви. Потом открыл глаза, произнёс «Ом Будда Майтри Мем Соха» и насторожился, словно пытаясь уловить что-то едва слышное. В комнате, за его спиной, и правда было что услышать и даже увидеть. Осторожно ступая по мягкому коврику, медленным шагом к Сонаму приближалась большая тёмно-серая пума. Сонам встал, развернулся навстречу пуме и, поклонившись, посмотрел ей в глаза. Пума, казалось, тоже чуть склонила перед ним голову, благосклонно принимая его взгляд.

– Летар, ты можешь стать человеком, – уверенно произнёс монах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.